128
28
Б-2
М 64
204383
Вып. I.

128
287.
Экз. 1-й.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ШКОЛЪ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

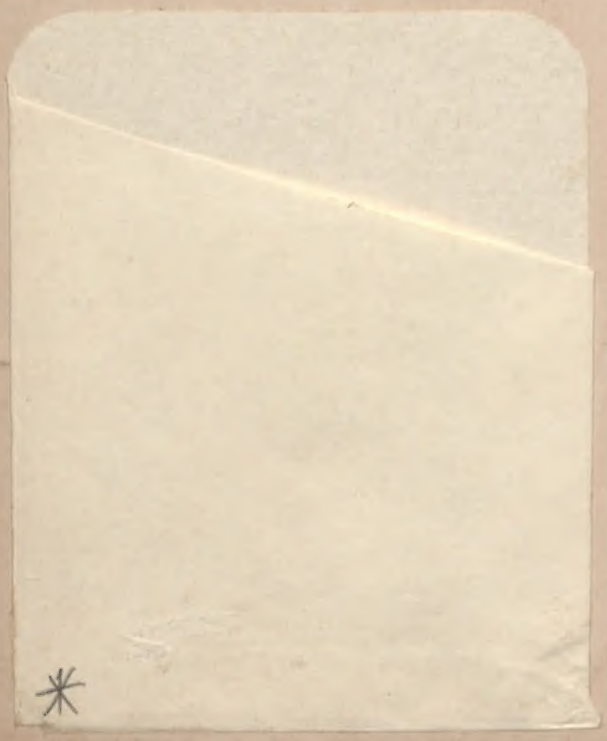
С. Миропольскаго.

Приложеніе къ журналу «Церковныя Вѣдомости», издаваемому при Святѣйшемъ Сунодѣ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

128
287.
Экз. 1-а.



БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

12
2
Э

Т
15907

Рк
31142

Б-2
М-64

128
287.
Экз. 1-е.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

№ 17045.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ШКОЛЪ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С. Миропольскаго.

БИБЛІОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академіи
Инв. № 204383

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1894.

12
2
9

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 30 Сентября 1894 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ*.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

Исторія русской начальной школы доселѣ еще не появлялась въ нашей литературѣ въ *цѣломъ* видѣ; изслѣдованія отдѣльныхъ ея *періодовъ* не многочисленны. Матеріалъ для исторіи нашихъ древнихъ училищъ крайне скуденъ. Въ лѣтописяхъ извѣстія о нихъ отрывочны и случайны. Приходится собирать свѣдѣнія по крохамъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ; приходится обращаться иногда къ предположеніямъ и выводамъ, которые не всегда могутъ быть точны и могутъ подлежать возраженіямъ, особенно со стороны скептиковъ, готовыхъ иногда отрицать и общепризнанные факты, въ угоду своимъ излюбленнымъ доктринамъ.

Не имѣя претензій на самостоятельность научныхъ изслѣдованій, пользуясь по возможности всѣмъ, что появилось въ литературѣ нашего предмета, мы желали бы дать краткій очеркъ исторіи нашей начальной школы на всемъ протяженіи ея исторической жизни, отъ возникновенія ея на Руси до настоящаго времени.

Это нужно прежде всего для нашихъ *народныхъ учителей,* для нашихъ педагоговъ, которые доселѣ лишены были возможности познакомиться съ исторіей того дѣла на Руси, которому они посвящаютъ свои силы и знанія. Наша педагогика, наше учебное дѣло, какъ извѣстно, начиная съ Петра Великаго, всегда испытывали сильное иноземное вліяніе, а въ ближайшую къ намъ эпоху реформъ Александра II-го педагогика наша стала почти нѣмецкою. Мы имѣемъ теперь исторію *нѣмецкой* школы; исторію *нѣмецкой* педагогики, даже исторію нѣмецкихъ методовъ обученія по всѣмъ предметамъ начальнаго курса, а исторіи родной школы мы не имѣемъ, исторіи русскаго воспитанія и обученія у насъ доселѣ нѣтъ. Наша педагогическая литература заполонена переводами и передѣлками нѣмецкихъ руководствъ и пособій. Что всего хуже, подъ вліяніемъ нѣмецкой школы мы стали утрачивать *живой духъ* народныхъ преданій, глубокія историческія *основы* народнаго воспитанія и обученія. Покинувъ источникъ живой воды, мы обратились къ источникамъ мутнымъ. Появилось воспитаніе въ духѣ «международномъ», въ духѣ раціонализма, индеферентизма и другихъ иноземныхъ началъ и направленій. Невѣжеству нашему въ исторіи родной школы соотвѣтствовало и высокомѣріе, презрительный взглядъ на нее, стрем-

лепіе *передплать* ее на иноземный ладъ. А между тѣмъ какая величавая, въ высокой степени поучительная и трогательная картина раскрывается предъ нами, когда мы начинаемъ изучать судьбы нашей школы, нашего образованія, тѣсно соединенныя, съ исторіею церкви нашей. Наша школа—многострадальная, какъ и самъ народъ русскій. Широкимъ разцвѣтомъ началась она на Руси и затѣмъ прошла великую школу всевозможныхъ испытаній; но несмотря на самыя тяжкія невзгоды, она сохранила себя до нашихъ дней.

Кто посвящаетъ себя воспитанію юношества, тому должны быть вѣдомы и дороги судьбы родной школы нашей.

Полезно вѣдать это и всякому образованному русскому человѣку. Жить безъ преданій—значитъ не имѣть прошлаго и начинать жить съизнова; значитъ потерять то, что пріобрѣтено предками многовѣковымъ трудомъ, значитъ утратить корень, а слѣдовательно и крѣпость существованія. Образованный человѣкъ, незнающій исторіи образованія народа своего, похожъ на траву перекати-поле: ее несетъ всякій вѣтеръ, и она останавливается тамъ, гдѣ случится, ибо она потерпла свой корень. Отъ того то мы такъ всегда и увлекались иноземнымъ, что мало знали свое прошлое, мало цѣнили его, не старались уразумѣть его правду, его духовную силу. Стали мы безпамятными, забыли вспоминать дѣла отцовъ нашихъ, перестали поучаться трудами, терпѣніемъ, страданіями предковъ своихъ и стали увлекаться всякимъ вѣтромъ ученій чуждыхъ. А старыхъ русскихъ людей не разъ спасала въ великихъ народныхъ бѣдахъ память о старыхъ отцовскихъ дѣлахъ, и крѣпокъ былъ русскій народъ этою памятью.

Когда мы узнаемъ, *какъ* возникла наша школа, *чѣмъ* она была, чѣмъ жила, *какою силою* она росла, какихъ *подвижниковъ* и страдальцевъ за русскую землю создала она, какія *невзгоды* перенесла она, какіе *идеалы* завѣщала намъ, мы лучше поймемъ и вѣрнѣе оцѣнимъ, чѣмъ она *должна быть* и въ наше время. А это дѣло великой важности.

Обращаясь къ источникамъ нашего труда, мы прежде всего должны указать на наши *лѣтописи*, въ разныхъ спискахъ дополняющія другъ друга; на древніе *памятники литературы*, житія святыхъ, патерики, которыми и пользовались всѣ изслѣдователи нашего предмета, на акты историческіе, описанія рукописей и книгохранилищъ. Затѣмъ идутъ труды историковъ *Татищева*, «Исторія Россійская», представляющая сводъ лѣтописей, изъ коихъ многія для насъ утрачены, изд. 1768—84.; *Карамзина*, «Ист. Госуд. Рос.»; *Соловьева*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ»; *Погодина*, «Др. русская исторія до монгольскаго ига» (изд. 71 г.); труды по исторіи Русской Церкви арх. *Филарета* Черниговскаго, *Макарія* м. Московскаго, проф. Е. *Голубинскаго* и др.; *Амвросія*, «Исторія Россійской іерархіи»; труды по древнерусской словесности проф. *Шевырева*, *Порфирьева*, *Галахова*, *Знаменскаго* и др.; а также труды молодыхъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей древне-русской литературы—Н. *Никольскаго* (о Климентѣ Смолятичѣ), *Жданова*, *Воскресенскаго*, *Архангельскаго* и др.

По исторіи древне-русскихъ училищъ до XV в. существуетъ капитальный трудъ Н. А. *Лавровскаго*, вышедшій въ 1854 г. и составляющій нынѣ библіографическую рѣдкость. Трудъ г. Лавровскаго является единственнымъ, отличается безпристрастіемъ, вполнѣ ученою разработкою лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ учрежденіи нашихъ училищъ и вообще составленъ съ научною добросовѣстностію. Трудъ *Хмырова*, «Училища и образованность на Руси до-Петровской», помѣщенный въ ж. «Народная школа» за 1869 г., составленъ на основаніи изслѣдованій Лавровскаго и представляетъ лишь немногія дополненія цитатъ изъ старыхъ источниковъ, съ освѣщеніемъ не всегда вѣрнымъ. Изслѣдованіе проф. *Соболевскаго*, «Образованность Московской Руси въ XV—XVII в.» представляетъ *новый* взглядъ на эту эпоху. Обыкновенно это время (VX—XVII в.) принято считать временемъ упадка просвѣщенія и грамотности на Руси (этого воззрѣнія держится и Лавровскій). Проф. Соболевскій доказываетъ, что это мнѣніе преувеличено. Онъ находитъ, что грамотность въ эту эпоху была на Руси повсемѣстною и приводитъ доказательства изъ подписей юридическихъ актовъ, изъ житій святыхъ этого времени, и изъ другихъ источниковъ, собирая свѣдѣнія съ трудолюбіемъ истинно-ученаго изслѣдователя.

Статья проф. *Леонтовича*, «Школьный вопросъ древней Россіи», въ отношеніи фактическаго матеріала не представляетъ ничего новаго; но авторъ старается дать *новое* освѣщеніе вопросамъ о характерѣ древне-русскаго образованія, «объ общественныхъ органахъ, въ функцію которыхъ входило попеченіе о народномъ образованіи», объ обязательности школьнаго обученія, «о культурной роли древне-русской школы». Къ сожалѣнію, авторъ несочувственно относится къ церковному характеру древне-русской школы и иногда считаетъ недостатками ея то, что составляетъ ея достоинство. Сочувствіе автора принадлежитъ Западу и его культурѣ. Правдивый отзывъ о трудѣ Леонтовича помѣщенъ въ 33 № Церк. Вѣдомостей 1894 г. Здѣсь же помѣщенъ и библіографическій указатель пособій по школьному вопросу въ Россіи, хотя и неполный, но заключающій въ себѣ все главное.

Для исторіи школы съ Петра Великаго служатъ пособіями: трудъ академика *Пекарскаго*, «Наука и литература при Петрѣ I-мъ»; проф. *Буданова*, «Государство и нар. образованіе въ Россіи въ XVIII в.» (1874 г.) и *Воронова*, «Историко-Статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній спб. округа» (1849). Трудъ Воронова въ научно-историческомъ отношеніи ничтоженъ; но онъ даетъ матеріалъ, извлеченный изъ архивовъ Мин. Нар. Просвѣщенія, довольно цѣнный. Затѣмъ историческія статьи *Н. Весселя* о народной школѣ, помѣщенныя въ «Ж. Мин. Нар. Пр.» и въ «Русской школѣ» представляютъ поверхностныя компиляціи изъ трудовъ Хмырова и Воронова. Авторъ поклонникъ системы нѣмецкихъ школъ и желалъ бы пересадить эту систему въ Россію.

Для исторіи начальной школы въ *нашу эпоху* не мало матеріала даютъ статьи г. *Благовидова*, помѣщенныя въ ж. «Странникъ» за 1890 г. Авторъ имѣлъ подъ руками архивные матеріалы изъ дѣлъ Св. Синода и сообщаетъ

много любопытныхъ фактовъ изъ исторіи многострадальной церковно-приходской школы въ эпоху реформъ Александра II-го. Въ брошюрѣ «Мѣры къ повсемѣстному распространенію грамотности въ народѣ» излагаются мѣры для правильнаго устройства церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Для характеристики общаго значенія церковно-приходской школы служитъ трудъ прот. *П. Смирнова* «Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на Западѣ, въ виду будущаго нашей».

Наконецъ существуетъ много статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ разработкѣ частныхъ историческихъ фактовъ изъ исторіи нашего образованія. Укажемъ *нѣкоторыя. Д. Мордовцева*, «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.»; *Н. Лавровскаго*, «Памятники древне-русскаго воспитанія»; «Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси» *В. Бодянскаго* (о церк. библіот. XVII в.); *Полетаева*, «Школы грамоты на Руси»; *Б—на*, «Участіе правительства въ дѣлѣ нар. образованія, до Петра В.»; *Величко*, «Историческій очеркъ обществ. образованія въ Россіи» (1861 г.); *Григорьева*, «Замѣтки по исторіи книжнаго просвѣщенія въ Россіи»; ст. *Купріянова*, *Забѣлина*, «О характерѣ древняго образованія въ Россіи» и мн. др., особенно въ духовныхъ журналахъ «Правосл. Собесѣдникъ», «Христ. Чтеніе», «Православное Обозрѣніе», «Православный Собесѣдникъ», Приложенія къ твореніямъ Св. Отцевъ, а также въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, Архивъ и др.

Вообще, не смотря на скудость первоначальныхъ источниковъ о книжномъ ученіи на Руси, матеріала для исторіи школъ нашихъ имѣется не мало; но онъ разбросанъ, раздробленъ и привести его къ единству тѣмъ труднѣе, что разработка его и взгляды на дѣло образованія у различныхъ изслѣдователей весьма разнообразны и иногда доходятъ до полныхъ противорѣчій.

Настоящій трудъ, какъ первый опытъ *цѣлой* исторіи нашей начальной школы, конечно, не свободенъ отъ недостатковъ, пробѣловъ, опущеній; но онъ имѣетъ *единство* взгляда на ходъ нашего народнаго образованія, на его основныя задачи, характеръ, а вслѣдствіе того и на его будущность.

Взглядъ этотъ не составленъ теоретически и не придуманъ произвольно,— его *даетъ сама исторія и подтверждаетъ фактами;* при этомъ онъ совпадаетъ съ воззрѣніями и народа нашего на школу, на *обученіе*, на его характеръ и задачи.

Какъ русская исторія, такъ и исторія школы начальной на Руси распадается на *двѣ* половины—школа древней Руси *до-Петровской* и школа *послѣ Петра* Великаго.

Въ первой половинѣ мы различаемъ *три* періода:

I-й періодъ—отъ основанія училищъ на Руси до монгольскаго ига (988—1238). Просвѣщеніе народа «книжнымъ ученіемъ» широко и свободно распространяется по Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ; школа является вмѣстѣ съ церковію, подъ руководствомъ церковной власти. Распространеніе училищъ идетъ быстро, свободно, безъ потрясеній и колебаній, охватываетъ всю Русь и даетъ блестящіе результаты.

II-й періодъ обнимаетъ время монгольскаго ига (1238 г.—1480). Русь удѣльно-Московская испытываетъ страшное нашествіе дикихъ народовъ Азіи. Огонь и мечъ прошли землю Русскую,—города разрушены, церкви разграблены и сожжены, народъ оскудѣлъ, потерялъ безчисленное множество лучшихъ сыновъ своихъ. Все это сильно потрясло и даже пріостановило начавшійся быстрый ростъ училищъ. Но школу сберегло духовенство. Образованіе ютилось въ монастыряхъ, поддерживалось черноризцами, священниками и причтами. Явилось *частное* обученіе. Высшая духовная власть оберегала школы и отстаивала ихъ предъ монгольскими владыками.

III-й періодъ обнимаетъ время съ половины XV в. до Петра Великаго. Въ эту эпоху приготовляется и совершается отпаденіе значительной части Руси къ Польшѣ (1569). Образованіе отпавшей половины Руси подчиняется чуждымъ вліяніямъ, но охраняется *братствами;* преемство Владиміровой церковной школы сохраняется въ Московской Руси, которая крѣпнетъ и объединяется. Съ XV вѣка, въ виду упадка просвѣщенія и возникшихъ ересей, духовная іерархія принимаетъ мѣры къ учрежденію правильно устроенныхъ церковныхъ школъ по всему государству.

IV-й періодъ начинается Петромъ В., обнимаетъ блестящій вѣкъ Екатерины II и заканчивается учрежденіемъ министерства просвѣщенія (1802 г.) при Александрѣ I-мъ. Это эпоха западно-европейскаго вліянія на нашу школу. Церковно-приходская школа или забыта (при Петрѣ I), или преслѣдуется (при Екатеринѣ II), въ виду проектовъ учрежденія школъ по иноземному образцу; но духовенство и народъ сберегаютъ школу свою и она непрерывно продолжаетъ свое существованіе. Это періодъ административныхъ проектовъ, плановъ, предположеній, кабинетныхъ реформъ въ народномъ образованіи, чуждыхъ жизни и потому безсильныхъ и мертворожденныхъ.

V-й періодъ обнимаетъ XIX в., до нашего времени. Здѣсь можно различать частныя направленія. а) Вѣкъ *Александра I-го* представляетъ еще отголосокъ вѣка Екатерины II-й, съ вліяніемъ европейскихъ началъ гуманности, индифферентизма, мистицизма и др. вѣяній. б) Эпоха *Николая I-го* является утвержденіемъ національнаго направленія въ образованіи на началахъ «православія, самодержавія и народности». в) Царствованіе *Александра II-го* представляетъ эпоху реформъ. Освобожденіе крестьянъ открываетъ широкую возможность образованія народа. Духовенство самостоятельно принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живое и плодотворное участіе, открываетъ во множествѣ церковно-приходскія школы, безмездно обучаетъ дѣтей. Учрежденіе земства привлекаетъ къ школѣ новыя средства, но увлекаетъ ее на путь иноземныхъ (преимущественно нѣмецкихъ) вліяній. Духовенство постепенно устраняется отъ школы. Мученическая кончина Царя-Освободителя служитъ къ отрезвленію умовъ отъ крайнихъ увлеченій. г) Царствованіе *Александра III-го* представляетъ возстановленіе народной школы на исконныхъ историческихъ ея основахъ. Духовенство вновь призывается къ образованію народа,—школы увеличиваются въ количествѣ, улучшаются въ качествѣ и получаютъ живое

направленіе въ духѣ церковности. Народъ, руководимый духовенствомъ, самъ создастъ школы, онѣ быстро умножаются. Составляется «*Положеніе о церковно-приходскихъ школахъ*», образуется *высшее управленіе* церковно-приходскими школами при Св. Синодѣ, вырабатывается правильная ихъ *организація*, составляются *инструкціи, программы, учебники, пособія* для школъ; въ каждой епархіи учреждаются *училищные совѣты* и ихъ *отдѣленія* по уѣздамъ; организуется школьный *надзоръ*, принимаются мѣры къ *образованію учителей*, учреждаются двухклассныя школы съ учительскими курсами, основывается *образцовая* женская *учительская школа* въ Петербургѣ, организуются *учительскіе съѣзды*. Церковно-приходская школа, руководимая духовенствомъ, при всеобщемъ участіи и расположеніе народа, быстро развиваясь, содѣйствуетъ улучшенію нравственнаго и экономическаго его быта. Вырабатывается «*Положеніе о школахъ грамоты*», принимаются мѣры къ устройству *приходскихъ библіотекъ*, къ *безплатной разсылкѣ книгъ* въ бѣднѣйшія школы, организуется *издательская комиссія* для удешевленнаго печатанія учебниковъ и пособій на спеціальныя средства Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта. Кіевскій съѣздъ руководителей церковно-приходскихъ школъ, въ память 10-лѣтія ихъ возрожденія, представляетъ живую картину дѣятельности духовенства на пользу народнаго образованія въ мирное царствованіе Александра III.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ

Очеркъ исторіи церковно-приходской школы на Руси.

I. Историческія условія возникновенія школъ и образованія на Руси.

А) Школы на Руси и образованіе возникаютъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ Руси христіанствомъ. Христіанство на Руси является дѣломъ *свободнаго* избранія лучшей вѣры княземъ и народомъ. Принятію вѣры православной предшествовало *испытаніе вѣръ* чрезъ лучшихъ избранныхъ мужей, числомъ 10. Выслушавъ отзывы ихъ о вѣрѣ Греческой, бояре единогласно признали ея превосходство и указали на Ольгу — христіанку, «яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ». Владиміръ, безъ колебаній и сомнѣній, рѣшительно и прямо спрашиваетъ: «Кдѣ крещеніе пріймемъ?» — Бояре отвѣчали: «гдѣ ти любо.» Народъ вѣрилъ своему единодержавному князю; князь вѣрилъ своему народу. Такого безпримѣрнаго согласія народа и правителя въ дѣлѣ выбора и перемѣны вѣры исторія никогда не представляла.

Когда пришелъ часъ совершить великое дѣло крещенія цѣлой страны языческой, народъ спокойно и съ увѣренностію пошелъ за своимъ княземъ. «Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящется кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ». Се слышавше *людье съ радостію идяху, радующеся и глаголюще:* «аще бы се не добро было, *не бы сего князь и боляре приняли*». Какое величественное, трогательное и безпримѣрное въ исторіи событіе представляетъ крещеніе Руси! «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ», говоритъ лѣтописецъ и заключаетъ: «Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже *возлюби новыя люди, Русскую землю,* просвѣти ю крещеніемъ святымъ».

Иларіонъ, знавшій о событіи этого крещенія отъ участниковъ его, въ похвалѣ Владиміру пишетъ, что князь «заповѣда *по всей земли своей* крестится во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ясно и велегласно *во всѣхъ градѣхъ* славитись Святѣй Троицѣ, и *всѣмъ* быти крестьяномъ (христіанами) малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не быть *ни единаго же противящеся* благочестивому его повелѣнію; да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣннаго крещаахуся, понеже бѣ благовѣріе его съ властію съпряжено. И *въ едино время вся земля наша* въслави Христа со Отцемъ и Св. Духомъ» [1]).

Итакъ, принятіе христіанства на Руси является *общимъ* актомъ, при *единодушномъ согласіи народа,* бояръ и князя.

---

[1]) Понятно, что въ этой общей картинѣ отдѣльные случаи и частности временнаго сопротивленія волѣ князя (въ Новгородѣ, въ Ростовѣ) не нашли мѣста, но они общей картины и не измѣняютъ, какъ факты частные.

Такое водвореніе христіанства на Руси естественно *узаконяло* и *облегчало* введеніе и всѣхъ учрежденій, *соединенныхъ съ нимъ*, къ числу которыхъ прежде всего принадлежатъ *книжное просвѣщеніе* и *училища*.

Лѣтописныя свидѣтельства дѣйствительно удостовѣряютъ, что *на всей Руси* съ церковію являлось и *книжное ученіе*, внѣряемое княземъ духовенству, свободно и благожелательно принимаемое народомъ.

Первыя школы на Руси учреждаются, говоря словами лѣтописца, «на утвержденіе вѣры». Утвержденіе вѣры утвердило школы.

Замѣчательно, что и *въ другихъ Славянскихъ земляхъ*, въ Болгаріи, Моравіи, Чехіи, христіанство принято было *по желанію* князей, утвердилось по общему согласію народа; просвѣтителями явились Греческіе пастыри; но князья требовали просвѣщенія *на родномъ языкѣ* [1]).

Б) Извѣстно, что до принятія христіанства Славяне «имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья,» какъ имѣли свою религію, съ обрядами и жрецами. Этотъ законъ племена «сами себѣ творили», по выраженію лѣтописца.

Христіанство вноситъ въ Русь *новый законъ*,—законъ самого Бога,—законъ общій для *всѣхъ* племенъ, законъ истинно добрыхъ нравовъ; но этотъ законъ, для своего познанія, вкорененія и распространенія, *требуетъ отъ Руси ученія и образованія*. Слѣдовательно, со введенія христіанства, церковь, общество и законодатель Руси должны были единодушно принять и признать обязательными три задачи для своей дѣятельности: *содѣйствіе образованію народа религіозному, вкорененіе* въ немъ христіанской *нравственности* и *распространеніе въ немъ умственнаго образованія*. [2]) Если бы народу дана была новая вѣра *вопреки его желанію*, то эти три задачи были бы невыполнимы, или исполненіе ихъ было бы дѣломъ величайшей трудности и долгаго времени. Но Русь свободно, *своею волею*, приняла христіанство, поэтому также свободно *пожелала* и просвѣщенія,—одинаково—словеснаго *въ церкви* и книжнаго *въ школѣ*, о чемъ единодушно заботились князья и духовная власть.

В) Не менѣе важнымъ является и то обстоятельство, что христіанство нашло въ Руси *дѣвственную* почву. На это обращаетъ вниманіе Погодинъ.

«Христіанская вѣра, говоритъ онъ, сдѣлалась вмѣстѣ и источникомъ нашего образованія,—источникомъ *единственнымъ*, въ противоположность съ западными на-

---

[1]) Подъ 6406 г. лѣтописецъ пишетъ: «Словѣномъ жіущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко Царю Михаилу, глаголюще: земля наша *крещена, и нѣсть у насъ учителя*, иже бы ны наказалъ и поучалъ ны, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латиньску; *они бо ны инако учатъ*, а *они бо ны и инако*, тѣмь же *не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ:* и послѣте ны учителя, иже ны *могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ*. Се слыша Царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскыихъ князь, и рѣша философи: есть мужь въ Селуни, именемъ Левъ; суть у него сынове разумивии языку Словѣньску, хитра два сына у него философа. Се слышавъ Царь, посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: посли къ намъ въскорѣ сына своя Мефодія и Костянтина. Се слыша Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко Цареви, и рече има: «се присласася ко мнѣ Словѣньска земля, просяще учителя собѣ, иже бы могълъ имъ *протолковати святыя книгы; сего бо желаютъ*». Умолена бяста Царемь, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Кѣцьлови. Сима же пришедъшема, *нача ста составливати письмена азбуковьная Словѣньски*, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. *Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ*»:

Благодаря этому, въ Славянскихъ земляхъ устроены были многія училища, «построены церкви и монастыри и поставлены епископы, попы, игумены — да учатъ». Число учениковъ Климента возросло до 3.500.

[2]) Лешковъ, «Ист. Рус. общественнаго права», стр. 207.

родами, которые, кромѣ христіанской вѣры, получили въ наслѣдство себѣ, еще прежде ея введенія, греческое и римское образованіе, сильное и многостороннее они *пропитались* этимъ образованіемъ, и оно дало ихъ новымъ вѣрованіямъ свой *особый* характеръ, что и было причиною отличій первоначальнаго римскаго католичества отъ греческаго, а еще болѣе отъ русскаго православія» [1]).

Г) Въ высокой степени важнымъ для просвѣщенія Руси является то обстоятельство, что предки наши, говоря словами Іакова мниха, «пріяша святое крещеніе, *готово имуще святое писаніе* и *книги переведены* съ греческаго языка *на русскій*».

Трудно оцѣнить достаточно важность этого обстоятельства. Новокрещенному народу сразу открывается доступъ къ чтенію источника вѣры православной, къ совершенію богослуженія на родномъ языкѣ, къ изученію духовной литературы. Съ другой стороны, самый русскій языкъ, благодаря отличному знанію его и высокой филологической подготовкѣ св. просвѣтителей Славянъ, при вліяніи совершеннѣйшаго изъ классическихъ языковъ, получаетъ обработку въ стилѣ и формахъ, развитіе для выраженія самыхъ высокихъ истинъ и отвлеченныхъ понятій.

Поистинѣ святые просвѣтители Славянъ были *основателями* и нашего *книжнаго ученія*. Благословеннымъ трудомъ ихъ Русь пользуется и досели. Труды ихъ легли и въ основу первоначальной школы нашей, трудамъ ихъ эта школа обязана широкимъ распространеніемъ на Руси, съ первыхъ поръ ея просвѣщенія. Грамотность на *чужомъ* языкѣ не могла бы скоро и прочно привиться народу [2]).

Д) Новое важное обстоятельство для распространенія на Руси грамотности представляетъ этнографическое единство славянскихъ племенъ. «А словѣнескъ языкъ и русский *единъ*: отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша словѣне; аще и Поляне звахуся, но *словѣньская рѣчь бѣ*», говоритъ лѣтописецъ [3]).

Благодаря этому, на всемъ пространствѣ великой русской земли *славянская* книга была *понятною всѣмъ*; не будь этого, первоначальное образованіе не могло такъ широко разлиться по Руси съ первыхъ поръ ея просвѣщенія.

---

[1]) Погодинъ, Др. Рус. Ист. стр. 653.

[2]) «Прежде оубо словѣне, пишетъ черноризецъ Храбръ, не имѣху книгъ, нѫ чъртами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ, поганисѫщи». Изъ сказанія Храбра видно, что предки наши не ограничивались чертами и рѣзами, но пытались писать римскими и греческими буквами—«Римьскими и Грьчьскими письмены нуждаахѫся писати словѣньскѫ рѣчь безъ оустроена». Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ Храбръ признаетъ благодѣяніемъ и милостію Бога («помиловалъ родъ словѣньскъ»), призывающаго всѣхъ ко спасенію. Такой взглядъ на грамоту сохранили и наши предки, считая ее дверью къ уразумѣнію божественныхъ книгъ. Въ грамотѣ «*разумъ Богъ есть далъ словѣномъ*». Храбръ замѣчаетъ, что происхожденіе славянскихъ письменъ и переводъ священныхъ книгъ были извѣстны всѣмъ, «кождому словеньскому букварю».

Аще бо въпросиши книгъчиа грьчьскыа, глаголя: кто вы есть письмена створилъ, или книгы прѣложилъ, или въ кое врѣмя? то рѣдции отъ нихъ вѣдать. Аще ли въпросиши словѣньскыа букваря, глаголя: кто вы письмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ? то вьси вѣдать, и отвѣщавше рекжть: святыи Константинъ философъ, нарицаемыи Кирилъ, тъи намъ письмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодие братъ его. сжть бо еще живи, иже сжть видѣли ихъ. и аще въпросиши: въ кое врѣмя? то вѣдать и рекжть: яко въ врѣмена Михаила Цѣсаря Грьчьска, и Бориса Кназа Блъгарьска, и Растица Кназа Моравьска, и Коцела Кназа Блатьньска, въ лѣто же отъ създаниа вьсего мира «ЅТѮГ». Изд. *Шафарика* «Pamatky» и пр. 1851 г.

[3]) Полн. собр. лѣтоп., т. I. Лѣтопись Лаврентьевская.

Е) Русь получила христіанство *отъ Грековъ;* они принесли намъ и книжное просвѣщеніе; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ просвѣщеніи древней Руси участвовала и единоплеменная, единовѣрная намъ, ранѣе насъ принявшая христіанство *Болгарія.*

Въ Іоакимовой лѣтописи пишется: «царь же Болгарскій Симеонъ († 927 г.) присла *іереи учены* и *книги доволны,* и посла Владиміръ въ Царь-градъ къ царю и патріарху просити митрополита, онъ же весьми возрадовашеся, и прислаша митрополита Михаила, мужа весьма ученаго и богобоязненнаго, *Болгарина суща,* съ нимъ *четыре епископы,* и *многи іереи, діаконы и домостенники отъ славянъ*» [1])

Митрополитъ Михаилъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ устроителей школъ; онъ собиралъ учителей и наставлялъ ихъ; епископы, а также «многи іереи и діаконы», конечно, служили дѣлу образованія, и для нихъ это было удобно, такъ какъ рѣчь ихъ была *понятна народу.*

«Домостенники» же принесли съ собою *иные,*—тоже *Болгарское,* болѣе *близкое намъ* по духу, стилю, характеру и потому *легче изучаемое.* Еслибы на первыхъ порахъ у насъ не было грамотныхъ людей и пѣвцовъ, знающихъ *русскую рѣчь*—славянъ, то гдѣ было бы взять учителей для школъ, которыя съ первыхъ же поръ открывались «по всемъ градомъ и селомъ»? Чтобы приготовить *своихъ* учителей, для этого нужно было время; а изъ Грековъ, пришедшихъ на Русь, многіе ли знали русскій языкъ? Не надо забывать, что Болгарія уже *за сто* лѣтъ до крещенія Руси имѣла *училища* и обширную духовную *письменность.* Кромѣ перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ, Болгары имѣли переводъ многихъ писаній отеческихъ, а также и руководства для училищъ, каковы грамматика, философія, и богословіе І. Дамаскина, церковная и гражданская исторія и многія другія. Это обстоятельство содѣйствовало широкому распространенію образованія на Руси и такой высотѣ его, что черезъ 40—50 лѣтъ послѣ Владиміра у насъ уже являются мужи высокихъ дарованій и учености.

Участіе въ нашемъ образованіи епископовъ, священниковъ и клира изъ *просвѣщенныхъ Болгаръ* нельзя не считать въ числѣ благопріятныхъ условій для нашей древней школы, для обученія въ ней на родномъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что Болгары приносили съ собою «книги многи» [2]). Таковы были историческія условія, при которыхъ началось книжное образованіе въ древней Руси.

II. Учрежденіе и распространеніе училищъ на Руси.

Объ основаніи «книжнаго ученія» на Руси лѣтописецъ, подъ 988 г., пишетъ, что Св. Владиміръ князь, просвѣтившись вѣрою, послѣ крещенія Кіевлянъ, «нача ставити по градомъ церкви и *попы,* и люди на крещеніе приводити по *всѣмъ градомъ* и *селомъ.* Послалъ нача понимати у нарочитое чади *дѣти* и даяти нача *на*

---

[1]) Іоак. лѣт. I, 38. Дата указываетъ погрѣшность въ имени царя, но фактъ несомнѣненъ.

[2]) Кромѣ трудовъ св. просвѣтителей Славянства Кирилла и Меѳодія, число коихъ весьма значительно, Болгарская церковь дала намъ труды ихъ преемниковъ, также весьма обильные. Таковы: св. *Климентъ* (писавшій слова, поученія, житія святыхъ), *Симеонъ,* «книголюбецъ», первый царь Болгарскій (переведшій 136 словъ Златоустаго), *Іоаннъ,* экз. Болгарскій, «строитель церковный», при кн. Симеонѣ (составившій Шестодневъ, переведшій Богословіе, Діалектику и Грамматику Дамаскина, писавшій слова), *Константинъ еп.* (писавшій слова и поученія, житія, перев. св. Аѳанасія), *Григорій* пресвитеръ (перев. хронику Малалы), Черноризецъ *Храбръ* (сост. кн. «О письменѣхъ»), *Козма* пресвитеръ (писавшій противъ Богомиловъ).

ученье книжное; матеро же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: въ оны дни услышатъ глусіи *словеса книжная,* и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ» [1]).

Такъ вмѣстѣ съ принятіемъ Св. Вѣры Русь получила и ученіе книжное, которымъ руководили тѣ, кто просвѣтилъ Русь православіемъ, то-есть, епископы и священники. Неопредѣленное выраженіе лѣтописи «даяти нача на ученіе книжное» вызываетъ вопросъ, были ли Св. Владиміромъ устроены *училища,* или просто *собирали* дѣтей *для просвѣщенія* ихъ ученіемъ христіанскимъ, словесно, или по книгамъ [2])?

Въ лѣтописи по Никонову списку о «книжномъ ученіи» дѣтей при Св. Владимірѣ пишется: «И начаша отъ отцевъ и отъ матерей взимати младыя дѣти, и давати въ *училище, учитись грамоте*» [3]). Татищевъ, первый нашъ исторіографъ по времени, пользовавшійся многими лѣтописными сказаніями, для насъ утраченными, пишетъ: «Таже повелѣ (Владиміръ) ставити церкви и священникамъ людей приводить на крещеніе, *по всѣмъ градомъ и по селамъ* посылая *поны ученые.* Митрополитъ же Михаилъ совѣтовалъ Владиміру *устроить училища,* на утвержденіе вѣры, и собрать дѣти *въ ученіе.* И тако Владиміръ повелѣлъ собрать *дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ,* раздавая по церквамъ *священникамъ со причетники въ ученіе книжное.*—Прежде бо невѣдущіе закона не слыхали словесъ книжныхъ; но Божью строеніе и милости явившейся, осѣни ихъ свѣтомъ благоразумія, *устроены бо были многія училища*» [4]).

Карамзинъ, на основаніи лѣтописныхъ сказаній, пишетъ, что послѣ крещенія Руси, «чтобы утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, еще въ IX в. переведенныхъ на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ христіанамъ, великій князь Владиміръ *завелъ для отроковъ училища,* бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи» [5]).

Послѣдующія свѣдѣнія объ учрежденіи книжнаго ученія на Руси показываютъ несомнѣнно, что лѣтописецъ говоритъ именно объ учрежденіи *церковныхъ школъ* на Руси; поэтому и церковные историки—Филаретъ, Макарій и другіе, а равно и ученые изслѣдователи—Лавровскій, Хмыровъ и др., учрежденіе училищъ Св. Владиміромъ признаютъ несомнѣннымъ [6]).

---

[1]) Лавр. лѣтоп. стр. 51.

[2]) Соловьевъ въ Истор. Россіи (т. V) пишетъ: «Училища при Владимірѣ заведено не было, а дѣтей раздали учиться по церквамъ у священниковъ».

[3]) Никон. спис. Изд. 1767—92, I, стр. 94.

[4]) Истор. Рос. Изд. 1768—84 г., ч. II. стр. 75—6.

[5]) Ист. Госуд. Рос.; т. I. Что первоначальное книжное ученіе совершалось въ *училищахъ,* объ этомъ имѣемъ позднѣйшія свидѣтельства въ постановленіи Стоглаваго собора, гдѣ говорится: «а прежде сего въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ *многія училища* бывали». Стоглав. XXV.

[6]) Иноземецъ Эверсъ, «нѣмецъ именемъ и дѣломъ», отвергаетъ учрежденіе Владиміромъ школъ, а допускаетъ только, что дѣтей брали и отдавали въ ученіе епископамъ, въ цѣляхъ приготовленія къ священству. Хмыровъ, согласно съ Лавровскимъ, справедливо называетъ это сужденіе «вполнѣ нѣмецкимъ», потомучто оно имѣетъ въ виду однихъ священниковъ, но забываетъ о чтецахъ, пѣвцахъ, столь же необходимыхъ въ Русской церкви. Но если даже принять мнѣніе Эверса, то выходитъ только, что при епископахъ были *училища* для приготовленія дѣтей къ священству.

Не слѣдуетъ забывать, что прибывшіе въ Русь для просвѣщенія ея христіанствомъ Греки и Болгары сами обучались уже въ благоустроенныхъ училищахъ, имѣли предъ собою образцы разнообразныхъ учебныхъ учрежденій, знакомы были съ способами обученія того времени и вообще съ организаціей школъ. Если для Русскихъ послѣднія были новостью, то для Грековъ онѣ были учрежденіями хорошо извѣстными. Извѣстіе Татищева, что князь Владиміръ устроивалъ «книжное ученіе» по *совету* митрополита, явно указываетъ на непосредственное участіе послѣдняго въ устроеніи первыхъ школъ на Руси. Подтвержденіе этому находимъ, кромѣ Никоновой лѣтописи, въ Степенной книгѣ. Въ первой говорится: «Тѣхъ же всѣхъ *учителей грамотныхъ* призываше къ себѣ митрополитъ и наказываше (учаше) *православие* и *благочестие* крѣпко соблюдати, и безумныхъ рѣчей и неподобныхъ ошаятися». Здѣсь митрополитъ является наставникомъ учителей, руководителемъ ихъ; съ другой стороны «*грамотные учители*» являются какъ бы людьми особаго призванія, хотя всѣ они были священно-служителями церкви.

Лавровскій не безосновательно высказываетъ даже предположеніе, что первыя церковныя школы были общежитія [1], гдѣ учившіеся жили совокупно, взятые изъ домовъ родителей, ибо иначе чѣмъ объяснить, что «матери чадъ сихъ аки по мертвецѣ плакахуся». Очевидно, плакали, потомучто разставались съ дѣтьми, лишались ихъ, хотя и на время[2]). Училище же съ общежитіемъ есть уже вполнѣ организованное училище. У насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ первыхъ училищъ, о способахъ ученія; но въ одномъ изъ списковъ лѣтописи Нестора [3]) учрежденіе кн. Владиміромъ книжнаго ученія дополняется такимъ извѣстіемъ: «симъ же (дѣтьмъ) розданнымъ на ученіе книжное, и *навыкаху скоро*, по Божью строю». Поэтому надо полагать, что учители были люди опытные. Въ Степенной книгѣ, составленной, какъ извѣстно митрополитами Макаріемъ и Кипріаномъ, излагается замѣчательный *наказъ* митрополита Михаила учителямъ школъ Владиміровыхъ. Хотя эта книга явилась уже въ половинѣ XVI в., но по своей сравнительной древности, принадлежа образованнѣйшимъ людямъ своего времени, конечно, знавшимъ историческое прошлое Руси и имѣвшимъ подъ руками источники, которые для насъ утрачены, а также и устное преданіе, заслуживаетъ довѣрія, тѣмъ болѣе, что характеръ наказа митрополита Михаила не противорѣчитъ другимъ свѣдѣніямъ о школахъ его времени и даже подтверждается ими. Вотъ это наставленіе: «Богодухновенный же учитель, пресвященный митрополитъ Михаилъ, призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ, и наказываше ихъ правѣ и благочинѣ учити юныя дѣти, якоже *словесьмъ книжнаго разума*, такожде и *благонравію*, и въ правдѣ и въ любви, и началу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію; учити же ихъ *не яростію*, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и *любовнымъ обычаемъ*, и сладкимъ *поученіемъ*, и ласковымъ *разсужденіемъ* противу *коегождо* силы, и съ ослабленіемъ, *да не унываютъ*, паипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня, на пользу души же и тѣла; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески ошаятися» [4]). Совершенно въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и ближайшій преемникъ Михаила—Леонтій.

---

[1]) Лавровскій, стр. 29.

[2]) Лавровскій, стр. 105. На это указываютъ и выраженія лѣтописцевъ: «*поимати* дѣти», «дѣти *отымати* у нарочитыхъ людей», «*взимати* младыя дѣти», то-есть, брать ихъ изъ домовъ родителей.

[3]) Лѣтопись Переяславская, по списку съ рукописи XIII в.

[4]) Степ. книга 1, стр. 143.

Допустивъ даже, что наказъ этотъ въ Степенной книгѣ представленъ въ нѣкоторомъ распространеніи, нельзя отрицать самаго факта,—для этого нѣтъ никакихъ основаній.

Въ этомъ открытіи первыхъ училищъ на Руси замѣчательнымъ образомъ выразились *главнѣйшія черты* ихъ послѣдующей исторіи и ихъ характеръ.

Прежде всего здѣсь является *единство власти* духовной и гражданской: митрополитъ совѣтуетъ, князь повелѣваетъ устроить училища.

Книжное ученіе народа *вверяется руководству и завѣдыванію духовенства.*

Духовенство является первыми, одинаково духовною и гражданскою властью признанными, *учителями.*

Училища имѣютъ *церковный* характеръ. Они учреждаются «на утвержденіе вѣры».

Они являются не *учебными* только, но и *воспитательными* учрежденіями: дѣти обучаются «словесѣмъ книжнаго разума», но главнымъ образомъ—*«правдѣ и любви и началу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиреномудрію»*. Нельзя выразить сильнѣе воспитательныя задачи школы.

Въ основу дисциплины первыхъ нашихъ школъ положены были *евангельскія начала* кротости. Митрополитъ заповѣдуетъ учителямъ учить дѣтей «не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ», но *любовнымъ обычаемъ*, причемъ совѣтуетъ обращать вниманіе и на силы каждаго ученика, дабы не обременять работою сверхъ силъ.

Нѣкоторые историки (напр., Забѣлинъ) высказываютъ сомнѣнія въ такомъ характерѣ ученія первыхъ нашихъ школъ, но безъ достаточныхъ основаній. Приводимые ими примѣры воспитанія «жезломъ» и «розгою» относятся къ *позднѣйшему* времени, (преимущественно XV—XVI в.), на которое могла имѣть вліяніе и западная школа. Обстоятельства же школы временъ Владиміра были таковы, что именно требовали *кроткаго* обращенія съ дѣтьми. Народъ только-что принялъ новую вѣру; по родители еще «не бяху ся утвердили вѣрою»; матери плакали о дѣтяхъ, отдаваемыхъ въ школы, какъ по мертвыхъ; при этомъ суровость, «жестокость и гнѣвъ», могли вызвать въ дѣтяхъ страхъ, въ родителяхъ—озлобленіе, ненависть и даже сопротивленіе: дѣти могли и разбѣжаться изъ училищъ, вышла бы смута народная. Но ничего подобнаго не было. Быть можетъ, для того и собиралъ митрополитъ учителей, чтобы предупредить возможность недовольства школою, если бы въ ней стали обучать «гнѣвомъ и яростію». Въ своемъ наставленіи Владыка настойчиво предлагаетъ учителямъ заботиться о томъ, чтобы дѣти *не унывали*,—не тяготились ученіемъ, не тосковали въ школѣ. Совершенно такъ же поступалъ и Леонтій въ Ростовѣ, гдѣ встрѣтивъ закоренѣлыхъ стариковъ, язычниковъ, онъ ласково старался привлечь къ ученію дѣтей. Такимъ образомъ духъ христіанской кротости въ первыхъ нашихъ школахъ является совершенно естественнымъ и составлялъ одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха ученія и привлеченія къ школѣ народа.

Наконецъ, въ извѣстіи лѣтописца мы находимъ указаніе и на *всеобщность* первой школы на Руси. Сказавъ, что Владиміръ началъ строить церкви по городамъ и селамъ, лѣтописецъ тотчасъ же продолжаетъ, что князь тогда же отправилъ по *всѣ* города и села особыхъ лицъ священнаго сана «попы ученые», которые бы, крестя и просвѣщая людей, собирали дѣтей у нарочитыхъ и простыхъ людей, «дѣтей *знатныхъ, среднихъ и убогихъ*» и отдавали ихъ ученію книжное. При

каждой церкви, конечно, были священники съ причтомъ,—они и были первыми учителями *по всѣмъ городамъ и селамъ*. Гдѣ была церковь, тамъ было и ученье. Вѣру святую принялъ *весь* народъ, *весь* народъ нуждался и въ просвѣщеніи. Нужды церкви и нужды народа совпали. Для церкви необходимо было обезпечить постоянно полный составъ духовенства и притомъ изъ народа Русскаго; для народа нужда была учиться книгамъ, въ которыхъ заключалась новая вѣра. Поэтому естественно, что на Руси «устроены были многія училища».

Перейдемъ къ дальнѣйшимъ свидѣтельствамъ о ихъ учрежденіи. Въ Софійской лѣтописи подъ 1030 г. находимъ такой рядъ извѣстій: «Великій Князь Ярославъ Белзы взялъ. Того же лѣта родился Ярославу четвертый сынъ, и нареченъ ему имя Всеволодъ. Того же лѣта иде князь Ярославъ на чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ: *и пріиде къ Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей—т. (300) учити книгамъ*». Тоже извѣстіе занесено и въ Никоновскую лѣтопись, подтверждается Карамзинымъ [1]) и другими историками, какъ извѣстіе несомнѣнное.

Фактъ учрежденія этого училища не подвергался сомнѣнію даже скептиками, готовыми заподозрить Софійскую лѣтопись потому только, что она явилась въ позднихъ спискахъ (XV в.). Лавровскій пишетъ: «Въ пользу дѣйствительности распоряженія Ярослава говоритъ и самый характеръ извѣстія: краткость, простота, неожиданность. Видно, что составитель самъ не находилъ въ этомъ событіи особенной важности, какъ бы случайно и тѣми же словами переписалъ его изъ древнѣйшаго списка, помѣстивъ его (какъ то было, безъ сомнѣнія, и въ послѣднемъ) среди другихъ событій» [2]).

Нѣкоторые писатели основаніе Новгородской школы ставятъ въ связь съ взятіемъ г. Бельза [3]) Ярославомъ, полагая, что оно «было вдохнуто ревнивой наблюдательностію Ярослава, желавшаго пересадить на Русскую почву и, разумѣется, на Русскій ладъ, плоды просвѣщенія Польши, развитой въ то время болѣе, нежели Русь» [4]). Но Ярославъ былъ слишкомъ церковнымъ человѣкомъ, чтобы увлекаться Польскою новизною.

Гораздо справедливѣе сопоставить учрежденіе училища съ общею характеристикой Ярослава у лѣтописца. «И бѣ Ярославъ—свидѣтельствуетъ лѣтописецъ—книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне, *и собра писцы многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо и писаша книгы многы*, и списка, ими же поучашеся вѣрніи людье, наслажатся ученья божественнаго».

Самъ же лѣтописецъ ставитъ просвѣтительную дѣятельность Ярослава въ связь съ дѣятельностію св. Владиміра. «Якоже бо се нѣкто землю разоретъ, другый же насѣетъ, ини же пожинаютъ и ядятъ пищю бескудну, тако и сь: отецъ бо сего, Володимеръ, взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же (Ярославъ) *насыпа книжными словесы сердца сырыхъ людій*, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное».

Мудрый сынъ продолжалъ великое дѣло славнаго отца.

Слѣдуетъ замѣтить, что и до Ярослава въ Новгородѣ уже *было училище*. Подъ тѣмъ же 1030 г. въ Новгородской лѣтописи отмѣчено: «Преставися Акимъ новгородскій (епископъ), и бяше *ученикъ* его Ефремъ, *иже ны* (т. е. лѣтописца,

---

[1]) Ист. Госуд. Рос. II, стр. 23.

[2]) *Лавровскій*, стр. 24.

[3]) Бельзъ—г. въ Червонной Руси, въ Мазовіи; нынѣ въ Холмской епархіи.

[4]) *Григорьевъ*, «Замѣтки о книжн. просв. Руси», см. у *Хмырова* стр. 61.

съ другими) *учаше*» [1]), а у Татищева добавлено—и «греческому языку» [2]). Отсюда ясно, что въ Новгородѣ было училище, въ немъ были ученики, и не одинъ, а многіе, изъ нихъ одинъ оказался уже настолько образованнымъ, что самъ обучалъ и былъ лѣтописцемъ. Лавровскій высказываетъ справедливое предположеніе, что школа эта основана была Іоакимомъ, который «прінде къ Новугороду, и требища разори, и Перуна посѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ», а людей просвѣтилъ крещеніемъ, тогда же, вѣроятно, завелъ онъ и училище.

Поэтому Лавровскій и другіе изслѣдователи [3]) дѣлаютъ даже предположеніе, что распоряженіе Ярослава имѣло цѣлію расширеніе курса и распространеніе уже существовавшаго училища, которое должно было служить высшимъ разсадникомъ просвѣщенія, на что отчасти указываетъ привлеченіе въ него дѣтей «нарочитой чади» Новгородской—старостъ и духовенства.

Замѣчательно различіе лѣтописныхъ выраженій объ учрежденіи училищъ въ Кіевѣ и Новгородѣ: Владиміръ «послалъ, *нача понимати*», а Ярославъ—«*собра*». Значитъ, ученіе уже не внушало прежняго страха и, быть можетъ, сдѣлалось даже потребностью, особенно для такого города, каковъ былъ великій Новгородъ; а «нарочитая чадь» его, по самому своему положенію, даже нуждалась въ грамотности. Новгородъ имѣлъ обширнѣйшія внѣшнія сношенія, заключалъ договоры. Эпоха Ярослава отмѣчена составленіемъ «Русской правды», «Устава о церковномъ судѣ», многими произведеніями духовной литературы. Для такихъ работъ надо было имѣть высокое образованіе, которое и давала школа Ярославова.

Дальнѣйшія мѣры Ярослава на пользу просвѣщенія народа показываютъ въ немъ человѣка замѣчательнаго ума и энергіи, великаго преобразователя. Лѣтописецъ пишетъ, что Ярославъ «любимъ бѣ книгамъ, *многи написавъ*, (списавъ), *положи* въ церкви Св. Софьи, юже созда самъ», то-есть, основалъ обширную *библіотеку* для общаго пользованія. Далѣе говорится: «И попы церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и *дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди*, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ» [4]). То-есть, Ярославъ, вмѣнивъ священникамъ въ обязанность быть учителями въ церковныхъ школахъ, назначилъ въ вознагражденіе за трудъ обученія особый окладъ изъ собственныхъ великокняжескихъ доходовъ.

Карамзинъ говоритъ: «опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе іереямъ, Ярославъ умножилъ число ихъ *во всѣхъ* городахъ и предписалъ имъ учить новыхъ христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ». Въ какихъ именно городахъ основаны были училища, неизвѣстно. Приходится обращаться къ другимъ мѣстамъ лѣтописей, къ другимъ источникамъ. Такъ есть несомнѣнныя свидѣтельства, что училище было въ Курскѣ.

Въ житіи преп. Ѳеодосія читаемъ: «Въ томъ градѣ *(Курскѣ)* растый отрокъ тѣломъ, растяше и духомъ, въ премудрости и любви Божіей. Ибо моляше самъ родителей своихъ, *да дадутъ его въ наученіе божественныхъ книгъ*, якоже и сотвориша: и вскорѣ изучися всему божественному писанію, яко всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ и о *скоромъ его ученіи*» [5]). Изъ этого извѣстія ясно, что Ѳеодосій сначала

---

[1]) Новгор. II, 121.
[2]) *Татищ.* II, 105.
[3]) *Лавровскій*, стр. 35. *Хмыровъ*, 61 стр. *Григорьевъ*, въ «Эпохѣ» 1861 г., № 11.
[4]) Лаврент. лѣт., стр. 65.
[5]) Печ. патерикъ, л. 29, на обор.

БИБЛІОТЕКА

Учрежденіе епископій на Руси, совершившееся при Леонтіѣ I-мъ (992 г.), имѣло важное вліяніе на распространеніе училищъ и на ихъ благоустройство. При каждой епископіи было училище, подъ надзоромъ и руководствомъ архіереевъ, подававшихъ примѣръ своей паствѣ. О Ростовскомъ епископѣ Леонтіи пишется: «Святый же Леонтій пріиде въ Ростовъ и видѣ люди, состарѣвшіеся въ невѣріи, и остави старые люди, младенцы же ко церкви призываше и сладостно кутіею кормяше ихъ и благочестію учаше и крестяше ихъ» [1]).

Наши первые митрополиты и епископы были люди высокаго образованія, рѣдкихъ дарованій; они были устроителями и руководителями книжнаго ученія на Руси. Кромѣ любви къ образованію, къ этому побуждалъ ихъ долгъ и прямые интересы церкви.

Въ первую эпоху, кромѣ древнѣйшихъ епархій *Новгородской, Ростовской, Черниговской, Бѣлгородской, Владимірской* на Волыни, во второй половинѣ XI в. были извѣстны: *Тмутараканская* (ок. 1062), *Переяславская* и *Юрьевская* (1072); затѣмъ—*Полоцкая* (ок. 1105), *Туровская* (1114), *Смоленская* (1137), *Галицкая* (1157), *Рязанская* (ок. 1207), *Владимірская* на Клязьмѣ (1215) и *Угровская* (предъ нашествіемъ татаръ) [2]).

Эти пятнадцать епархій были центрами «книжнаго ученія» и широко охватывали древнюю Русь.

Но сюда слѣдуетъ присоединить наши *монастыри*.

Монастыри явились на Руси рано. Съ вѣрой Христовой, говоритъ Иларіонъ, «монастыреви на горахъ сташа, черноризцы явишася». Въ До-Монгольскую эпоху монастырей было на Руси не мало. Въ Кіевѣ ихъ было 11, въ Новгородѣ до 20-ти, а всѣхъ считается свыше 50-ти [3]).

Монастыри же были первыми училищами вѣры и *распространителями книжнаго ученія*.

Сюда стекались избранники, проникнутые духомъ Христова ученія. Это были «*свѣтила*, сіявшія на всю Русь», по выраженію Нестора. Время проводилось въ молитвѣ, въ трудѣ, въ «книжномъ почитаніи». Подвижники монастырей, проповѣдывавшіе словомъ и дѣломъ святое ученіе, представляли народу высшіе идеалы, имѣли вліяніе на него своими совѣтами, молитвами, примѣрами. Поистинѣ наши древніе монастыри, говоря словами Погодина, «представляли лучшую, свѣтлую сторону Русской жизни и дорогое достояніе отечественной исторіи». Особенно прославилась Печерская обитель Кіева своими подвижниками и своимъ великимъ нравственнымъ вліяніемъ на Русскую жизнь,—вліяніе это продолжается и доселѣ.

«Изъ Печерскаго монастыря, говоритъ Погодинъ, разносилось *образованіе* по областямъ Русскимъ съ епископами, назначаемыми изъ иноковъ, и всякая новая епархія дѣлалась новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь—гимназіей, новая церковь—народнымъ училищемъ» [4]). Вотъ почему строеніе церквей, учрежденіе

[1]) Став. книг. стр. 153. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что слово *учить* въ старыхъ рукописяхъ употреблялось и въ смыслѣ проповѣданія, назиданія, поученія (см. у Лавровскаго стр. 33); въ этомъ смыслѣ и люди и книги назывались *учительными*. Напр. о Кириллѣ, м. Кіевскомъ, пишется, что онъ былъ «учителенъ зѣло и хитръ ко ученію божественныхъ книгъ». Наименованіе отдѣла *учительныхъ* книгъ св. писанія (Псалтирь, притчи Соломона, Экклесіастъ) сохранилось доселѣ.

[2]) См. *Погодина*, Др. Ист., стр. 549.

[3]) См. перечень монастырей, съ указаніемъ времени ихъ основанія, у *Погодина*, Др. Р. Ист., II, 574 и дал.

[4]) *Погодинъ*, Др. Р. Ист., II, 661.

монастырей, столь тщательно записанное нашими лѣтописцами, должно занимать мѣсто и въ исторіи нашихъ училищъ. Каждый монастырь самъ по себѣ былъ *училищемъ*, пріютомъ грамотности; каждый создавалъ учителей и вызывалъ устройство новыхъ школъ; здѣсь изготовлялись книги, столь цѣнныя въ тѣ времена и необходимыя для просвѣщенія.

Пр. Осодосій, игуменъ Кіево-Печерскаго монастыря, такъ выразилъ иноческія обязанности: «Иноку надлежитъ быть бодрымъ на *пѣніе* церковное, на *преданія* отеческія и на *почитаніе книжное*, имѣть любовь и наказанье (назиданіе) къ меньшимъ, повиновеніе къ старшимъ». Такимъ образомъ *грамота* и *пѣніе* являлись какъ бы обязательными для инока. Тѣмъ же просвѣтительнымъ вліяніемъ отличались и женскіе монастыри, гдѣ дѣйствовали Янка и Евфросинія, что засвидѣтельствовано лѣтописями; тѣмъ же духомъ жили и другія обители. Не забудемъ, что въ тяжкую эпоху ига Монгольскаго *монастыри спасли намъ образованіе*.

Высокое значеніе монастырей привлекало къ нимъ князей и народъ, располагало ихъ къ пожертвованіямъ, которыми монастыри пользовались на благо русской земли. Такъ Ярославъ Изяславовичъ «вда имъ всю жизнь свою Небольскую волость и Доревьвьскую и Лучскую и около Кіева». Кн. Глѣбъ «вда въ животѣ своемъ съ княгинею, 60 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота» (гривна равнялась фунту металла). Мстиславъ Владимировичъ предоставилъ монастырямъ даже свою дань. Каждый монастырь былъ *школою*, но каждый монастырь былъ и прибѣжищемъ сиротъ, питателемъ бѣдныхъ, пріютомъ для немощныхъ. Здѣсь народъ православный учился вѣрѣ, учился всякому добру и «книжному почитанію». Сюда стремились лучшія духовныя силы народа, избранники его, становившіеся потомъ его *учителями*. Только при этомъ значеніи монастырей мы и можемъ объяснить то обстоятельство, что при удивительно быстромъ распространеніи на Руси училищъ лѣтописцы *нигдѣ не заявляютъ о недостаткѣ учителей*.

При самомъ утвержденіи на Руси христіанства, по свидѣтельству Степенной книги, пожертвованія были не только на церковное строеніе, но и «*возрасти ради сиротъ*». Въ уставѣ св. Владиміра о церковныхъ десятинахъ упоминаются при монастыряхъ и церквахъ гостиницы, странноприимницы; митрополиты заповѣдывали монастырямъ, «сироты держати», и всѣхъ убѣждали, «вдовицъ и сиротъ, и полоняниковъ и странныхъ миловати и призирати».

Это обстоятельство приводитъ насъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Если при монастыряхъ призрѣвались *сироты*, жили тамъ, то не можетъ быть, чтобы они только питались,—это было бы не въ духѣ монастырей нашихъ. Съ полною вѣроятностію можно предположить, что дѣти-сироты и *обучались*. Ихъ прежде всего наставляли въ православной вѣрѣ, учили всему, что полезно для спасенія и нужно всякому христіанину; а способнѣйшіе по крайней мѣрѣ *вдавались* и *книжному ученію*, дабы сдѣлать ихъ участниками монастырскаго богослуженія. Быть можетъ, изъ этихъ сиротъ иные оставались въ монастырѣ иноками. Были случаи, что и взрослые, поступивъ въ монастырь безграмотными, дѣлались людьми «книжными», а тѣмъ болѣе это естественно относительно сиротъ-дѣтей, предоставленныхъ вполнѣ заботамъ и отвѣтственности иноковъ.

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго; напротивъ, оно подтверждается даже практикою монастырей нашего времени. Лавровскій находитъ, что наши древнія странноприимницы при монастыряхъ соотвѣтствуютъ Византійскимъ *ксенодоніямъ*, гдѣ «по закону христіанскому совершалось образованіе и вос-

питаніе дѣтей»; обязанность монастырей кормить и содержать сиротъ соотвѣтствуетъ греческой *орфанотрофіи*, это были сиротскія учебно-воспитательныя заведенія, которыя пользовались общимъ сочувствіемъ и почетомъ.

«Какъ не быть этимъ пристанищамъ сиротъ, пишетъ онъ, тамъ, гдѣ христіанство вдругъ появилась въ полномъ цвѣтѣ, гдѣ благотворительность, съ первыхъ годовъ его водворенія, еще въ лицѣ Владиміра, искала простора и силилась обнять собою все новопросвѣщенное общество, куда всѣ христіанскія учрежденія, въ полномъ своемъ составѣ, перенесены были изъ православной Византіи» [1]).

Предположенія вѣроятныя. Существованіе призрѣнія сиротъ при *монастыряхъ* является несомнѣннымъ уже потому, что это призрѣніе изъ глубины вѣковъ сохранилось во многихъ обителяхъ доселѣ. Оно входило въ уставы обителей по правиламъ Василія Великаго, которыя строго сохранялись въ нашихъ древнихъ монастыряхъ, подобно тому, какъ призрѣніе при церквахъ составляло обязанность *приходовъ* и вытекало какъ изъ церковныхъ предписаній, изъ духа самаго христіанства, заповѣдующаго творить дѣла милости духовной и тѣлесной, такъ и изъ народныхъ обычаевъ, изъ общиннаго начала сельской жизни.

Такимъ образомъ лѣтописныя свидѣтельства объ учрежденіи училищъ на Руси хотя и скудны, но достаточны для убѣжденія въ широкомъ распространеніи книжнаго образованія на Руси, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ одни прямо говорятъ объ учрежденіи училищъ въ городахъ, каковы—Кіевъ, Новгородъ, Курскъ, Смоленскъ, Владиміръ; другія говорятъ о мѣрахъ къ учрежденію училищъ по областямъ, или вѣрнѣе—епископіямъ; иныя просто указываютъ на распространеніе обученія первоначальнаго. А такъ какъ училища учреждались преимущественно при епископіяхъ [2]), монастыри же, весьма многочисленные, несомнѣнно были пріютами книжнаго ученія, то, соображая совокупность приведенныхъ свидѣтельствъ, слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что училища въ первый періодъ ихъ существованія раскинуты были на Руси повсемѣстно.

Мы еще болѣе въ этомъ убѣдимся, ознакомившись съ устроителями училищъ и ихъ руководителями.

III. Устроители древне-русскихъ училищъ.

Устроителями первыхъ училищъ на Руси являются наши князья; поэтому важно опредѣлить, насколько они были *образованы* и какой *характеръ* имѣло это образованіе,—то и другое должно было имѣть несомнѣнное вліяніе на учреждаемыя князьями школы.

О *Владиміръ* св. лѣтописецъ сообщаетъ, что онъ еще до крещенія Руси былъ знакомъ съ христіанскимъ ученіемъ и имѣлъ бесѣду о вѣрѣ, о правдѣ, о судѣ съ греческимъ проповѣдникомъ (986 г.); послѣ крещенія Владиміръ былъ наставляемъ въ истинахъ вѣры греческимъ духовенствомъ [3]). Онъ «зѣло любилъ

---

[1]) *Лавровскій*, стр. 62 и слѣд. Здѣсь приводится мнѣніе объ этихъ учрежденіяхъ Дюканжа.

[2]) «Какъ показываютъ источники, народной школой въ древней Руси служили *дома всѣхъ церковныхъ властей и учрежденій*». (*Леонтовичъ*, стр. 12). Стоглавъ, который не вводилъ ничего новаго, но желалъ возстановить старину, обязывалъ церковный клиръ «учинити *въ домѣхъ* училища, чтобы всѣ православные христіане давали дѣтей своихъ въ ученіе». Такъ было при Владиміръ и Ярославѣ, такъ хотѣлось отцамъ собора устроить и въ позднѣйшее время.

[3]) Лавр. лѣт. Полн. Собр. Лѣт. I, 36—45. 51.

слушать чтеніе божественныхъ словесъ»; «бѣ любя книжныя словеса». Въ похвальномъ словѣ св. Владиміру м. Иларіонъ называетъ его «учителемъ и наставникомъ Русской земли». Это былъ религіозный человѣкъ по убѣжденію, высокихъ дарованій.

Его взглядъ на воспитаніе и просвѣщеніе выразился въ воспитаніи его дѣтей. Объ образованіи *Ярослава* Владиміровича было уже сказано. Лѣтописецъ многократно пишетъ о немъ: «любимъ бѣ книгамъ», «книгамъ прилежа, почитая е часто въ нощи и во дне»,—книгамъ религіознымъ, св. писанію, «пророческимъ бесѣдамъ и евангельскимъ и апостольскимъ ученіямъ»; онъ переводилъ книги съ греческаго на славянскій: «собра писцы многи и *преложиша* отъ грекъ на словенское письмо и списаша книги многи» [1]); онъ образовалъ первую на Руси библіотеку. Естественно, что въ созданіи училищъ онъ видѣлъ свое призваніе и не щадилъ на нихъ своихъ средствъ. Ярославъ былъ вполнѣ образованнымъ, просвѣщеннымъ христіаниномъ и такое же просвѣщеніе желалъ дать народу.

Объ *Изяславѣ* Владиміровичѣ говорится, что онъ «прилежаше прочитанію божественныхъ писаній» [2]). *Борисъ* и *Глѣбъ*, рано унесенные смертью, «свѣтящася, аки двѣ звѣздѣ свѣтлѣ посреде темныхъ»; изъ нихъ первый «взимаше книги (т. е. Свящ. Писаніе) и чтяше»; другой, «иже бяше старъ умомъ», при своей молодости, любилъ слушать это чтеніе [3]).

Сынъ Ярослава, *Святославъ* Черниговскій, подобно отцу, былъ образованнѣйшимъ изъ князей XI вѣка. Онъ любилъ чтеніе, списывалъ и собиралъ книги. Съ именемъ Святослава извѣстны два «изборника» [4]), съ произведеніями религіознаго, философскаго, историческаго и діалектическаго содержанія. Въ послѣсловіи къ «изборнику» 1073 г. пишется: «Святославъ, подобно трудолюбивой пчелѣ, *со всякаго* цвѣтка *писанія собравъ* въ одинъ сотъ—въ великосмысленное сердце свое—сладости, *источалъ се* изъ устъ своихъ предъ боярами на вразумленіе мыслей ихъ, являясь предъ ними новымъ Птоломеемъ, не по вѣрѣ, но по желаніямъ сердца, *по собранію многочестныхъ божественныхъ книгъ*, которыми онъ *наполнилъ свои палаты*, къ вѣчной памяти о себѣ». О *Ярополкѣ* Изяславичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ «весьма книженъ», и о *Всеволодѣ*, сынѣ его, отзывается, какъ о «совершенномъ», образованномъ человѣкѣ.

Владиміръ Мономахъ извѣстенъ своимъ образованіемъ. Его поученіе къ дѣтямъ составляетъ цѣнный литературный памятникъ, свидѣтельствующій о церковной начитанности автора и высокихъ христіанскихъ взглядахъ его на жизнь, на обязанности человѣка, на взаимныя отношенія людей, на образованіе и трудъ. Изъ этого поученія можно видѣть и воспитаніе дѣтей Мономаха, которые тоже были людьми религіозными, образованными. Объ отцѣ своемъ (Всеволодѣ Ярославичѣ) Мономахъ говоритъ, что онъ «сидя дома» изучилъ *пять* языковъ: Греческій—по причинѣ тѣсныхъ связей Руси съ Греками; Латинскій,—какъ тогдашній языкъ литературный, за повсемѣстнымъ его употребленіемъ; Нѣмецкій—по необходимости объясняться съ множествомъ служившихъ тогда на Руси Германскихъ выходцевъ,

---

[1]) Лавр. Л., 65—66.

[2]) П. С. Л., т. II, стр. 162.

[3]) Сказ. Нестора о житіи и убіеніи б. кн., Бориса и Глѣба.

[4]) Одинъ переведенъ съ греческаго для Святослава въ 1073 г., полагаютъ Іоанномъ Болгарскимъ экзархомъ, другой—въ 1076 г.

Венгерскій и Польскій—по близкому сосѣдству и свойству съ сими областями [1]); а болѣе всего—по любознательности и любви къ наукѣ.

Сыновья Мономаха любили образованіе: памятникомъ просвѣтительной дѣятельности Мстислава служитъ извѣстное «Мстиславово» Евангеліе, а объ Ярополкѣ лѣтописецъ пишетъ, что онъ былъ «Христолюбивъ и человѣколюбивъ, и любя прочитаніе божественныхъ словесъ и почитая епископы, пресвитеры и мнихи, много бесѣдоваше наслаждашеся въ духовныхъ словесѣхъ» [2]).

Святославъ Давидовичъ Черниговскій, въ иночествѣ Николай (прозваніемъ Святоша), подобно просвѣщенному дѣду своему Святославу (кн. Черниговскій, потомъ в. кн. Кіевскій), любилъ книги, собиралъ ихъ и библіотеку свою подарилъ Печерской обители. По его просьбѣ инокъ Осодосій перевелъ «догматическое посланіе св. Льва, папы Римскаго, въ обличеніе ереси Евтихія» [3]). Владиміръ Волынскій, сынъ Василья Романовича, даже у западныхъ писателей извѣстенъ былъ подъ именемъ «Философа» за свою ученость и образованіе.

Объ Андреѣ Боголюбскомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ: «божественному писанію зѣло прилежаше». «Онъ былъ усердный строитель церквей и школъ.

Константинъ Всев. Владимірскій, воспитанный праведнымъ отцемъ своимъ «въ наказаніи, въ разумѣ свершенѣ, даже и до мужъства», пожилъ свою недолгую жизнь (33 г.), «всѣхъ умудряя тѣлесными и духовными бесѣдами; часто бо чтяше книгы и творяше все по писаному», а передъ смертью (1219) «домъ свой и книги вся» передалъ на школы [4]). Замѣчательно завѣщаніе Константина Всеволодовича къ дѣтямъ Васильку и Всеволоду. Въ немъ выражается истинно христіанскій взглядъ на нравственныя обязанности князя. «Возлюбленіи мои чадѣ! Будита межи собою въ любви, Бога бойтася всею душею, заповѣди Его во всемъ соблюдающа, и моя правы не вспріимѣте, яже мя видѣша творяща: нищихъ и вдовицъ не презрита, церкви не отлучайтася, іерейскый и мнишьскый чинъ любита, и *книжнаго поученья слушайта*, и будита въ любви межи собою, и Богъ мира буди съ вама».

Объ образованіи кн. Анны и Евфросиніи было уже сказано. О Евфросиніи говорится, что она «толма бысть любящи ученіе, яко же чудитися отцу ея о толицѣ любви ученію ея» [5]). Она сама «нача книгы писати своима рукама». Обѣ княжны были устроительницами женскихъ училищъ.

Вообще образованность нашихъ князей-христіанъ въ этомъ періодѣ составляетъ выдающееся явленіе нашей исторіи, имѣвшее несомнѣнно благотворное вліяніе на устроеніе училищъ. «Изъ показаній лѣтописцевъ, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, можно видѣть, что книжное ученіе сдѣлалось для князей потребностью, такъ-сказать завѣтомъ отъ отца къ сыну: сыновья наслѣдовали отъ родителей любовь къ книгамъ и учили своихъ дѣтей; эти послѣдніе заботились о книжномъ наставленіи своихъ сыновей» [6]).

Кириллъ Туровскій замѣчаетъ: «міра сего властители, иже въ житейскихъ вещѣхъ труждаются, *прилежно требуютъ книжнаго почитанія*».

---

[1]) См. *Татищев*, Ист. Рос. II, стр. 107.
[2]) Никон. Лѣт. II, 77.
[3]) Посланіе это напечатано въ Чт. Общ. Ист. и др. Рос., 1848 г., № 7.
[4]) Лавр. Лѣт., стр. 185.
[5]) Степ. кн. 1, стр. 270.
[6]) *И. Б—въ*, «Участіе правит. въ дѣлѣ нар. образованія до Петра В.»

Для изображенія *характера* образованія нашихъ князей приведемъ разсказъ Нестора о книжномъ ученіи св. Бориса и Глѣба и ихъ домашнихъ занятіяхъ. «Пусти же благовѣрный князь сыны своя когождо на свою область самъ, а святу сею Бориса и Глѣба оу себе держащю, занеже единаче дѣтеска бѣста. бѣ же Глѣбъ велми дѣтескъ, а умъ старъ. а блаженный Борисъ въ разумѣ сы исполнь благодати божія взимаше бо *книгы* и *чтяше*. бяше бо и *грамоть изоученъ*. *чтяше же житія и оученія святыхъ*. и глаголаше моляся со слезами. сице же ему молящася по вси часы, а святы Глѣбъ *послушаше* его. Сѣдя *и не отлучашеся* отъ блаженнаго Бориса. Но съ нимъ *день и ночь послушаше его*» [1]).

Какою свѣжестью вѣетъ эта картина домашней жизни нашихъ князей еще въ началѣ XI вѣка. Старшій братъ читаетъ свящ. книги, младшій, еще малютка, «а умъ старъ», слушаетъ неотступно это чтеніе, находитъ въ немъ наслажденіе.

Князья любили монастыри, иноковъ, чтили духовный чинъ. Нѣкоторые князья и княгини принимали иноческій чинъ, а иные даже схиму. Такъ Никола Святоша съ браннаго поля, становится привратникомъ монастырскимъ и несетъ тяжкія послушанія. Игорь Ольговичъ. (1146), плѣненный и больной, говоритъ своему счастливому сопернику (Изяславу Мстиславовичу): «се боленъ есмь велми, и прошу у тебѣ постриженія, была бо ми мысль на постриженіе еще въ княженіи своемъ». И онъ «пострижеся—въ схиму.» Великій князь Ростиславъ (1168) просилъ Поликарпа о постриженіи въ Печерскомъ монастырѣ. Великій князь Святославъ (1194), умирая, «веля ся постричи въ черницы». Мстиславъ Удалой принялъ предъ смертію схиму (1228).

Анна, дочь Всеволода (Янка), была настоятельницей женскаго монастыря при церкви св. Андрея, гдѣ и учила дѣтей (1186). Сестра ея Евпраксія (1106), будучи уже вдовою Германскаго императора Генриха IV, постриглась въ монастырѣ. Монашество приняли жена Давида Ростиславича Смоленскаго, жена Всеволода Георгіевича Суздальскаго, в. кн. Всеволожая, Марія (1206).

Нѣтъ нужды доказывать, что образованіе нашихъ князей было религіозное; оно-то и дѣлало ихъ людьми великихъ добродѣтелей, свѣтлаго ума, высокаго патріотизма; вырабатывало изъ нихъ «страдальцевъ за русскую землю,» покровителей просвѣщенія, устроителей школъ.

Исторія во всемъ мірѣ не представляетъ намъ ничего подобнаго. Русь является во всемъ *особенною*. Особеннымъ способомъ *приняла* она христіанство, особеннымъ способомъ *развила* въ себѣ *просвѣщеніе* и устроила школы. Во всемъ свобода духа, единство, согласіе князей и народа. Это единство истекало *изъ церкви*, ею освящалось, на ней утверждалось, въ ней черпало силу.

Церковная и гражданская власть въ дѣлѣ просвѣщенія дѣйствовали вполнѣ единодушно. Князья были ревностными устроителями училищъ. Этимъ и объясняется быстрое и повсемѣстное распространеніе ихъ на Руси въ первый періодъ.

IV. Кто завѣдывалъ и руководилъ школами.

Изъ единогласнаго свидѣтельства лѣтописей ясно видно, что образованіемъ на Руси руководило и завѣдывало *духовенство* [2]). Школы явились вмѣстѣ съ церко-

[1]) Изв. Ак. наукъ, т. II, стр. 211. Ср. у *Лавровскаго*, стр. 53.

[2]) Пр. Леонтовичъ замѣчаетъ: «какъ видно изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, въ теченіе *всей* древней исторіи школьное дѣло на Руси стояло *безъ перерыва* подъ болѣе или менѣе дѣятель-

вію, учреждались преимущественно при епископіяхъ. Князья, устроители церквей и школъ, посылали «попы ученые» для просвѣщенія народа свѣтомъ вѣры и книжнымъ ученіемъ. Они и причты церковные учили въ школахъ, они ими завѣдывали и руководили. Ни о какихъ другихъ учителяхъ лѣтописныя и другія свидѣтельства не говорятъ даже намекомъ; да негдѣ было и взять другихъ учителей въ первое время, когда еще грамотность на Руси только заводилась и духовный чинъ являлся единственнымъ представителемъ образованности. Само духовенство смотрѣло на себя, какъ на главное орудіе образованія, считало просвѣщеніе народа, устное и книжное, своею обязанностію, выполненіемъ долга и призванія. Его непосредственному вѣдѣнію ввѣрена была вся нравственная жизнь народа, которая служитъ основаніемъ и другихъ его явленій. Просвѣтительное значеніе духовенства признавалось, всѣми, начиная съ князя. Всѣ другіе сословія имѣли свои обязанности—охраненіе внутренняго порядка, защиту земли отъ внѣшнихъ враговъ, управленіе, судъ, торговлю, сборы налоговъ и дани, земледѣліе; духовенство же призвано было служить церкви и просвѣщенію народа; это было его *право* и его *обязанность*, которую оно несло съ самоотверженіемъ, съ сознаніемъ важной отвѣтственности предъ судомъ не человѣческимъ, но Божіимъ. И оно *учило*—всѣхъ въ *церкви*, а малыхъ дѣтей—въ *училищахъ*. Здѣсь было высокое его значеніе, которое опредѣлило вліяніе духовенства на народную жизнь и на послѣдующее время. «Если всѣ явленія жизни вытекаютъ изъ нравственныхъ побужденій, а эти послѣднія, при посредствѣ вѣры и образованія, возникали, укрѣплялись и развивались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ духовенства, то, очевидно, его вліяніе должно было проникать во всѣ стихіи общественной и частной жизни. И духовенство не могло не сознавать, а правительство и народъ не могли не признавать за нимъ этого обширнаго и могущественнаго вліянія. Въ этомъ сознаніи и въ этомъ признаніи кроются причины, почему наши пастыри церкви, какъ власть имѣвшіе, являлись и на политическомъ, и на военномъ и гражданскомъ поприщахъ» [1]). Въ этомъ сознаніи митрополитъ Никифоръ такъ положительно говоритъ великому князю, склоняя его на миръ: «княже, мы есмы *приставлены въ русской землѣ отъ Бога*».

Но замѣчательно при этомъ, что духовенство русское никогда не злоупотребляло своимъ вліяніемъ, не домогалось власти, не смѣшивало небеснаго съ земнымъ, политическаго съ церковнымъ, какъ то дѣлало духовенство западной церкви; силу своего нравственнаго вліянія наше духовенство всегда обращало на благо, на пользу земли русской, на духовное просвѣщеніе народа,—въ этомъ его величайшая заслуга. Поэтому и церковь наша всегда стояла на недосягаемой высотѣ ея небеснаго призванія.

Таковъ духъ истинно-православной церкви.

Черноризецъ Дуксъ говорилъ Іоанну, экзарху Болгарскому, «веля и моля его переложить учительскія сказанія, *попови что есть ино дѣло, развѣ ученья?* Да ельма же еси службу ту пріялъ, то и се ми нужда есть дѣлати». Такимъ образомъ ученіе составляетъ прямое и даже единственное занятіе духовнаго лица, — ученіе

нымъ воздѣйствіемъ всѣхъ органовъ *церкви*, начиная съ высшихъ представителей церковной власти и кончая низшими клириками—дьяконами и дьячками». Это «воздѣйствіе» (а по нашему мнѣнію, исключительное руководство и завѣдываніе школами) духовенства «опредѣлялось миссіонерской задачей русской школы». Шк. Впр., стр. II.

[1]) *Лавровскій*, стр. 99.

въ церкви. ученіе въ школѣ,—словесное и книжное. Такъ понимало свое назначеніе и наше духовенство съ первыхъ поръ его возникновенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что было бы совершенно неправильнымъ ограниченіе дѣятельности духовенства ученіемъ въ школѣ. «Книжное просвѣщеніе» это только *часть*, и притомъ малая, высокихъ обязанностей духовенства.

Апостолы, получивъ отъ Бога власть и право ученія всѣхъ языковъ, передали это право, по преемству, церковной іерархіи. Вселенскимъ соборомъ заповѣдано каждому пресвитеру, «да идетъ *учити отроковъ* и домочадцевъ, читая имъ божественное писаніе, ибо *для сего* и священство получилъ» (VII Вс. Соб., прав. X). Но это учительство не преподаваніе школьное, а духовное просвѣщеніе вѣрою для спасенія человѣка. «Книжное ученіе» въ школѣ *тогда только* составляетъ живую часть этого призванія пастырей, когда оно исходитъ *отъ церкви* и *ведетъ къ церкви*, когда оно посвящено чтенію слова жизни, которое «крѣпитъ умы», приготовляетъ ко спасенію.

Къ великому счастію Руси православной, наше первое книжное ученіе въ школахъ имѣло именно такой *характеръ* и такую *цѣль*; поэтому духовенство и является естественнымъ его *руководителемъ*, поэтому оно и трудилось съ самоотверженіемъ въ устроеніи школъ, исполняя свое призваніе [1]). Наша древняя школа не отдѣлима отъ церкви: вмѣстѣ съ нею она явилась, отъ ней питалась, ея духомъ жила и въ ней черпала свою силу. Поэтому первыми разсадниками духовнаго просвѣщенія Руси были *храмы*; школы же явились учрежденіями церкви.

Поэтому же, когда мы говоримъ о благотворномъ вліяніи школы нашей на народную жизнь, на воспитаніе народа, на укрѣпленіе въ немъ лучшихъ инстинктовъ и смягченіе нравовъ, никогда не должно опускать изъ виду, что это совершала школа, *созданная и руководимая церковію*. Никакая школа въ мірѣ, какъ бы ни была она совершенна, сама по себѣ не можетъ совершить того, что совершаетъ церковь. Развѣ школа могла бы переродить цѣлый народъ, какъ это сдѣлала церковь православная! Св. Вѣра духовно просвѣтила и переродила народъ нашъ, исправила его нравы, установила новыя отношенія семейныя, общественныя, измѣнила его обычаи, пробудила въ немъ высшія потребности, соединила его въ одну семью, укрѣпила его жизнь, его гражданскій строй, внесла въ него начало высшей правды, просвѣтила его и сдѣлала православнымъ до дня Господня.

Картину этого именно просвѣщенія Руси изображаетъ св. Иларіонъ, митр. Кіевскій, въ похвалѣ своей кн. Владиміру: «Пастуси словесныхъ овецъ Христовъ, стаия епископи, попове и діакони бескровную жертву възносяще; и весь клиросъ украсиша въ лѣпоту и одѣяния святыя церкви. Апостольская труба и евангельскій громъ грады огласи... Монастыреве на горахъ стаия, черноризьци явишася; *мужи и жены, маліи и велиціи и вси людіе*, исполньше святыя церкви, въславиша глаголюще» [2]).

Итакъ, школа не можетъ гордиться своими заслугами, какъ учрежденіе самостоятельное; если ею совершено много добраго и полезнаго народу Русскому, то

[1]) Что православное наше духовенство такъ именно и понимало свое призваніе, это можно видѣть изъ «святительскаго поученія» XIII в. (см. въ Русск. Истор. Библ., т. VI, стр. 105 и д.), гдѣ пастырю придаются такіе эпитеты: «твоя имена многа и величественна по Господню словеси и святихъ Его: свѣтъ міру, соль земли, врачь больнымъ, учитель, свѣтильникъ, око тѣлу; путь и дверникъ, кормчарь и дѣлатель, и строитель; воевода, судія и властитель, ангелъ Господенъ, труба небесная, отецъ братіи своей, Богу пудитель, міру молитвенникъ, апостольскій подобникъ».

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 190.

потому только, что она была учреждена церковію, при церкви, и руководилась пастырями ея. Безъ этой связи школа оставалась бы мертвою и безсильною. Наши князья-устроители школъ понимали это и съ полнымъ довѣріемъ вручали просвѣщеніе народа духовенству, къ которому относились съ великимъ уваженіемъ [1]). Не забудемъ, что князья наши и свое образованіе получали отъ *духовенства* же.

Епископы являлись совѣтниками князей и ихъ руководителями въ дѣлахъ нравственнаго характера, церковныхъ и просвѣтительныхъ. Иларіонъ, въ похвальномъ словѣ св. Владиміру говоритъ: «Ты часто собираясь съ новыми отцами нашими епископами, *съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними,* какъ устроить законъ христіанскій среди людей, недавно познавшихъ Господа». Извѣстно, что и первыя училища на Руси Владиміръ учредилъ «по совѣту митрополита» [2]).

Стояло ли духовенство, руководившее народнымъ образованіемъ и школами, на высотѣ своего призванія? Исторія дастъ вполнѣ утвердительный отвѣтъ. Имена первыхъ нашихъ митрополитовъ, *Михаила* [3]), *Леонтія, Иларіона* [4]) (перваго изъ Русскихъ м.м.), *Іоанна* II-го [5]), *св. Ефрема* [6]), *Никифора* [7]), *Климента Смолятича* [8]), *Кирилла,* говорятъ сами за себя. Изъ епископовъ прославились: *Лука Жидята*— поученіями и краснорѣчіемъ, *св. Никита*-затворникъ—святостію жизни, *св. Нифонтъ* — то же изъ Печерскихъ затворниковъ, извѣстенъ отвѣтами доместику Кирику, *свв. Илія, Стефанъ, Леонтій, Исаія,* еп. *Пахомій, Кириллъ* I-й и II-й, *Кириллъ* Туровскій (именуемый Россійскій Златоустъ), *Симонъ* Владиміровскій, — все это мужи высокаго образованія, рѣдкихъ нравственныхъ качествъ, учительные и заботливые о просвѣщеніи своихъ паствъ. Они оставили по себѣ обширную лите-

---

[1]) Пр. Несторъ передаетъ трогательный разсказъ о томъ уваженіи, какимъ пользовался св. Осодосій у в. кн. Святослава Ярослав., который прекращалъ даже веселье и пиры, когда являлся къ нему угодникъ Божій. Замѣчателенъ и кроткій способъ убѣжденія, обращенный къ князю. «Во единъ отъ дній шедшю къ тому благоуму богоносноуму отцу нашему Федосью, яко вниде въ храмъ, идѣже бѣ Князь, сѣде; и се видѣ многыя играющя предъ нимь: овы гусельныя гласы испущающе, другыя же органныя гласы поюще, инѣмъ писки гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычай есть предъ Княземь. Блаженый же бѣ въкрай его сѣдяй и долу пича. И яко мало въсклонився, и рече къ тому: то будеть ли сице на ономъ свѣтѣ? Таже ту абіе онъ съ словомь Блаженаго умилися, и мала прослезися; повелѣ тѣмъ престати. И оттолѣ аще коли приставляаше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришедша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковы игры».

[2]) Митр. Никифоръ въ посланіи къ Мономаху, предлагая ему нѣкоторые совѣты и наставленія, въ заключеніе пишетъ: «не огорчись, княже, словомъ моимъ и не подумай, чтобы пришелъ ко мнѣ кто-либо опечаленный тобою и потому я написалъ тебѣ. Нѣтъ, я просто написалъ тебѣ *въ напоминаніе:* ибо великія власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоминаніи. Я вемѣлился написать тебѣ *потому, что уставъ церковный и правила требуютъ* въ настоящее время (время удѣльныхъ междоусобицъ) *говорить нѣчто полезное и князьямъ».*

[3]) Памятникомъ заботливости его объ училищахъ служитъ его наказъ учителямъ, помѣщенный въ Степ. книгѣ.

[4]) Знаменитый проповѣдникъ, написавшій похвалу св. Владиміру.

[5]) Объ этомъ митрополитѣ Несторъ пишетъ: «мужъ хитръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же и кротокъ и молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальнаго, и сякаго не бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ слкъ».

[6]) Постриженникъ Печерскаго монастыря, для котораго и списалъ Студійскій уставъ...

[7]) Извѣстенъ своими посланіями Мономаху.

[8]) О Климентѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ такой книжникъ и философъ, какого не бывало на Руси. См. изслѣдованіе *И. Никольскаго* «Климентъ Смолятичъ».

ратуру, свидѣтельствующую о ихъ высокихъ дарованіяхъ. Лѣтописи не сохранили, именъ скромныхъ тружениковъ-священниковъ, діаконовъ и клириковъ, трудившихся въ обученіи народа въ училищахъ; но находясь въ вѣдѣніи такихъ руководителей, они въ тишинѣ и въ смиреніи усердно совершали свой подвигъ. Не слѣдуетъ опускать изъ виду, что и святители наши выходили изъ тѣхъ же школъ церковныхъ и монастырскихъ, что здѣсь они получали *начатки* книжнаго ученія,—подвижническая жизнь и церковь довершали ихъ образованіе и ставили на высоту духовную.

Итакъ мы видимъ, что строители нашихъ древнихъ школъ—князья, руководители и учители школъ—духовенство, въ дѣлѣ просвѣщенія народа дѣйствовали единодушно, стремились къ одной высокой цѣли. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ памятникахъ нѣтъ ни даже намека на какое-либо разногласіе ихъ въ святомъ дѣлѣ просвѣщенія народнаго.

V. Школа и приходъ.

Мы должны обратить еще вниманіе на *общинное начало* Русской жизни, имѣющее важное значеніе въ распространеніи *христіанства* и *книжнаго ученія* на Руси и выразившееся впослѣдствіи въ образованіи *прихода*, съ его функціями—устройства *школъ* и *благотворительности*.

Профессоръ Лешковъ говоритъ о Русской лѣтописи, что въ ней «одни святые имѣютъ житія; для однихъ государей возможны біографіи. Всѣ остальныя лица вводятся въ лѣтопись какъ на судилище, для положенія приговора объ ихъ дѣйствіяхъ» [1]). Лѣтопись имѣетъ предметомъ *цѣлый народъ*, всю землю Русскую, а не частныя лица. Она и начинается вопросомъ: *Откуду есть пошла Русская земля*. Русскій народъ свободно, самъ собою вырабатывалъ народное *единство*. Это единство Русскаго народа, вызванное и условленное однородностію его происхожденія, одинаковостію его языка, сходствомъ обычаевъ, вѣрованій, образа жизни, способовъ владѣнія землею, служитъ основою всей его исторіи. Имъ объясняется скорость образованія изъ Руси одного политическаго цѣлаго, съ акта призванія перваго князя,—быстрота *повсемѣстнаго обращенія въ христіанство всего народа*, со дня крещенія его въ водахъ Днѣпровскихъ; сознательное единство всей Русской земли, и сохраненіе Руси въ періодъ удѣловъ, и въ тяжелую годину Татарскаго ига, и далѣе—успѣшность собирательной системы Московскихъ князей, послужившей основою нынѣшнему Русскому царству [2]).

Благодаря этому началу, общинность съ первыхъ же поръ превращаетъ единство этнографическое въ земское. Всякое поселеніе составляетъ *общину*, которая господствуетъ надъ своею землею и отдѣльными членами, обязанными нести всѣ тяготы общины.

Для названія общинъ въ древней Руси существовали имена: *вервь, городъ, торгъ, село, погостъ*.

Вервь представляется первою земельною (географическою) общиною. Обладая извѣстнымъ пространствомъ земли, жители верви въ иныхъ случаяхъ обязаны были

---

[1]) *Лешковъ*, Ист. Р. обществ. права до XVIII в., стр. 91.
[2]) *Лешковъ*, стр. 93.

даже круговою порукою [1]). Вервь обнимала собою села, торги и города, находившіеся на ея территоріи.

Позднѣе, великою княгинею Ольгой установлены *погосты* [2]).

Новгородскіе *погосты*, можно полагать, представляли для сѣверныхъ Славянъ тоже дѣленіе земли, какое въ Псковскихъ земляхъ называлось губою, а въ южныхъ, въ древнѣйшія времена, представляла *вервь*. То и другое дѣленіе земли важно было для собиранія даней князю и служило выраженіемъ общиннаго начала, первичною формою осѣдлости народа, его общественной жизни и земельнаго владѣнія, раздѣленнаго между членами общины по равнымъ участкамъ или жребіямъ [3]). Въ предѣлахъ этихъ обширныхъ единицъ земельныхъ развились *села* и *деревни*, на томъ же общинномъ началѣ, которое сохранилось на Руси въ теченіе всего ея многовѣковаго существованія. Далѣе, по различію занятій промысловъ и быта, изъ вервей и погостовъ выдѣляются *райки*, *веси*, *города*. Здѣсь быстрѣе накопляются богатства и управленіе дѣлается сложнѣе; но общинное начало въ лицѣ *міра*, *схода*, *ста* сохраняетъ свою силу. При этомъ села раздѣлились на гнѣзда и улицы, иногда на десятки, сотни; города—на улицы, концы, стороны, части, иногда на сотни и тысячи. Это дѣленіе жителей не препятствовало единству общины, образуя болѣе мелкія единицы, оно лишь сосредоточивало ихъ на частныхъ функціяхъ—занятіяхъ, промыслахъ, дѣлахъ благотворенія и имѣло значеніе въ административномъ отношеніи [4]).

Такимъ образомъ можно сказать, что общинное начало составляло жизненный нервъ существованія древней Руси. Теперь легко опредѣлить значеніе этого начала для церкви и для образованія.

Изъ лѣтописнаго сказанія видно, что какъ просвѣщеніе христіанствомъ, такъ и книжное ученіе кн. Владиміръ распространилъ не въ одномъ Кіевѣ, но по всей землѣ: «и нача ставити по градамъ *церкви* и *попы* и люди на крещенье приводити по *всѣмъ* градомъ и селомъ», и вслѣдъ за тѣмъ говорится о введеніи книжнаго ученія, которое поручалось священникамъ, которые тогда и были первыми и единственными учителями народа, почему и называются «попы ученые». Они же были и первыми устроителями школъ «по всѣмъ градомъ и селамъ», по благословенію митрополитовъ и велѣнію князей, которые давали для того и средства.

Такимъ образомъ среди Русскихъ первыхъ *общинъ* является *церковь* съ *священникомъ* и причтомъ, затѣмъ и *школа*. При церкви образуется *приходъ*. Эту церковную общину составляютъ *прихожане;* она составляетъ новый живой центръ жизни старой общины земской. Отъ чего ея различенъ. Въ большихъ селеніяхъ—въ городахъ и погостахъ церквей бывало по нѣскольку, столько же бывало и приходовъ. Малыя селенія могли примыкать къ этимъ церквамъ, и такимъ образомъ города и погосты дѣлались *церковными средоточіями* для окружающихъ ихъ селеній; впослѣдствіи погосты приняли даже названія, заимствованныя отъ ихъ *храмовъ*.

---

[1]) По Русской Правдѣ вервь платила дикую виру, платила почти за всякое убійство и воровство, совершенное въ предѣлахъ верви, хотя виновникъ преступленія неизвѣстенъ. *У Лешкова* (стр. 103 и далѣе) значеніе верви изъяснено весьма обстоятельно.

[2]) Въ Новгородской области по Мстѣ и Лугѣ.

[3]) По Вреверну, слово *погость*, pagast, означаетъ *общинное владѣніе*. См. Лешкова, стр. 114; Неволина, дополн. къ Пятнимъ, стр. 72.

[4]) При этомъ единство всей Русской земли сознано крѣпко, не смотря даже на дѣленіе ея между племенами. Призваніе на Русь князей совершилось не отдѣльнымъ родомъ или племенемъ. *Вся* Словене просили объ управѣ *для всей великой земли*, приглашали князей володѣть и править всѣми Словенами. Эта потребность единой верховной власти проходитъ чрезъ всю исторію Руси.

Храмы первоначально строились по наряду князей и при ихъ поддержкѣ матеріальными средствами. Но выстроенный храмъ надо было *поддерживать: церковь* для богослуженія имѣетъ нужду въ средствахъ, а духовенство въ обезпеченіи. Удовлетвореніе этихъ нуждъ естественно падало на общину, на приходъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о *школахъ*. Если князья первоначально сами ихъ заводили, то сохраниться они могли только при сочувствіи и поддержкѣ приходовъ.

Къ этимъ двумъ функціямъ *прихода* присоединяется благотворительность. Она существовала на Руси еще до христіанства и составляла обычное дѣло каждой общины, призрѣвавшей своихъ убогихъ, сиротъ, недужныхъ и вообще лишенныхъ возможности пропитанія членовъ.

«Не было у Словянъ ни бродягъ, ни нищихъ», говоритъ Мацѣевскій; не было, потому что попеченіе о бѣдныхъ издревле у нихъ существовало, отчего и не было на древней Руси ни бродягъ, ни нищенства. Въ древнемъ Русскомъ законодательствѣ—случай единственный въ исторіи—о нищихъ не говорится ни слова. Ихъ *призрѣвала община*, которая обезпечивала ихъ хлѣбомъ, одеждой, кровомъ. Дѣлалось это по мягкости сердца, состраданію, по старому обычаю.

Христіанство вноситъ въ Русскую жизнь новое начало, по которому милосердіе къ сиротѣ, къ убогому, къ нищему есть святая обязанность и долгъ, заповѣданный Самимъ Спасителемъ Своимъ ученикамъ.

Какъ благотворно было это новое начало для призрѣнія бѣдныхъ на Руси, это видно на примѣрахъ князей. Такъ. Владиміръ св. былъ «истиннымъ отцемъ бѣдныхъ»; день освященія десятинной церкви онъ праздновалъ раздачею убогимъ многаго имѣнія; услышавъ однажды слово Евангелія о нищихъ, онъ повелѣлъ «всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій и получать тамъ всякую потребу, питье и яствы, и отъ скотницъ кунами». Разсудивъ затѣмъ, что больные нищіе не могутъ дойти до его двора, князь повелѣлъ развозить по улицамъ хлѣбъ, рыбу, овощи, медъ и квасъ, и люди Владиміра, ходя по городу, спрашивали, гдѣ недужные, и надѣляли ихъ всѣмъ необходимымъ: такъ сильно вліяло христіанство на благотворительность князя, очевидно, увѣровавшаго въ новое ученіе всѣмъ сердцемъ.

Мономахъ завѣщаетъ дѣтямъ: «будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ; не оставляйте больныхъ безъ помощи». Извѣстіями о благотворительности князей и княгинь полны лѣтописи. Но уже Владиміръ, считая благотворительность и призрѣніе *дѣломъ церкви*, передаетъ ихъ *церковному управленію* въ своемъ «Церковномъ уставѣ»: «паломника, лечца (лекаря), задушнаго человѣка (раба), слѣпца, хромца, больницы, гостинницы, страннопріимницы и богадѣльни» ввѣряетъ духовной власти, что подтверждается и другими князьями. Такимъ образомъ призрѣніе бѣдныхъ является при епископіяхъ, особенно при монастыряхъ, которые обладали для того наибольшими средствами, и *при церквахъ въ общинахъ*, сохраняя прежній типъ общинной благотворительности [1]). Община осталась таже, но имѣя центромъ духовной жизни церковь, она стала *приходомъ*. Три святыя церковныя обязанности восприняла эта община—попеченіе о

---

[1]) «Общинность призрѣнія, говоритъ Лешковъ, составляла правило, которое господствовало у насъ до позднѣйшаго времени, и древнѣйшіе акты именно говорятъ, что *нищіе на Руси питаются о церкви и о приходѣ*, то-есть, отъ прихода. Лешковъ, стр. 206 и др. По селамъ у приходскихъ церквей въ древности бывали «кельи для нищихъ».

церкви съ причтомъ, попеченіе объ *училищѣ* для воспитанія дѣтей въ духѣ церкви и *попеченіе* о бѣдныхъ прихода, въ духѣ той же церкви. Всѣ эти три функціи прихода находились въ вѣдѣніи духовной власти и совершались подъ ея руководствомъ. Такимъ образомъ христіанство не колебало и не измѣняло стараго общиннаго строя на Руси, но освятило, утвердило и дало ему новыя основы и жизненность.

Первая начальная школа на Руси является *церковно-приходскою*. Она не стоитъ особнякомъ, какъ нѣчто чисто *внѣшнее, административное*, но глубоко входитъ въ народную жизнь. Находясь въ союзѣ съ Церковію, школа находилась въ тѣснѣйшей связи съ общиною [1]). Какъ свободно Русь приняла св. вѣру, такъ свободно приняла она и явившуюся съ нею школу, какъ орудіе христіанскаго просвѣщенія. Любовь къ церкви распространилась на школу. Обѣ онѣ жили однимъ духомъ, обѣ питали народъ высшею духовною пищею. Книжное ученіе было церковнымъ и приводило къ церкви. Одинъ нарядъ правительства не могъ привить школу народу, еслибы онъ самъ не пожелалъ ее свободно и душевно.

Связь школы съ народомъ чувствуется во всѣхъ явленіяхъ древняго Русскаго быта. Не слѣдуетъ забывать, что образованіе народа, особенно юнаго, только вступающаго въ историческую жизнь, не только «играетъ важную роль въ исторіи народа», но творитъ его исторію, служитъ условіемъ для развитія и для самаго бытія народа.

Образованіе предковъ нашихъ было истинно-христіанскимъ, православнымъ, церковнымъ, такимъ же сталъ и народъ, такимъ онъ является на всемъ протяженіи его исторіи до нашихъ дней. Связь церкви, школы и прихода составляетъ и донынѣ идеалъ народный; такъ она крѣпка, сильна и живуча; церковно-приходская школа для него есть лучшая и единственная, завѣщанная ему предками; эту школу онъ любитъ, ей онъ вѣритъ, ее желаетъ. Явившись приходскою, древняя наша школа стала вполнѣ *народною*, быстро распространилась, крѣпко привилась и дала неоцѣнимые плоды. Вся Русь просвѣтилась крещеніемъ, по всей Руси явились церкви, а съ ними и книжное ученье въ школахъ, которыя были доступны всѣмъ, въ которыхъ слышалось Слово Божіе на родномъ языкѣ. Образованіе являлось всеобщимъ. «Безъ *общаго* участія въ ученіи *всего народа*,—этого всеобъемлющаго ученика и читателя, говоритъ Лешковъ, немыслимо такое обширное распространеніе по Россіи Изборниковъ или Пчелъ, обнимавшихъ собою все вѣдѣніе времени, теоретическое—въ Сборникахъ и практическое—въ Пчелахъ. Безъ общаго участія *всего* народа въ просвѣщеніи, невозможна та масса сочиненій, которыхъ одно простое вычисленіе, по выраженію Погодина, даетъ высокое понятіе о степени образованія эпохи, и которыхъ изученіе въ одномъ литературномъ отношеніи составляетъ томы. Безъ общаго участія всего народа въ образованіи невозможно явленіе, заставившее Соловьева предположить, что народъ нашъ свыкался въ древности даже съ Греческимъ языкомъ, невозможно объяснить событій послѣдующаго времени, которыя доказываютъ почти *всеобщность* грамотности на Руси, требовавшей акта для всякаго дѣла, и письменности для всякаго акта; равно какъ безъ

---

[1]) Сказавъ, что религіозные мотивы лежали въ основѣ учрежденія древнихъ школъ, проф. Леонтовичъ продолжаетъ: «Гдѣ устроенъ церковный погостъ, тамъ вмѣстѣ съ приходскою *церковію* непремѣнно будутъ заведени *богадѣльня и школа* главными ихъ распорядителями—церковнымъ причтомъ и приходской общиной: церковь, школа и богадѣльня, подъ вліяніемъ этическихъ воззрѣній христіанства, слились въ древней Руси *въ одинъ нераздѣльный институтъ* благотворительно-просвѣтительныхъ, религіозно-воспитательныхъ функцій народной жизни». Ик. В., стр. 10.

общаго участія въ образованіи невозможно понять обычая древней церкви помнинать по городамъ и селамъ, на ежедневныхъ ектеніяхъ, всѣхъ православныхъ, павшихъ за Русь на Калкѣ, на Дону, на Ведрошѣ, у Орши, Казани и т. д.» [1]). Безъ этого условія, прибавимъ мы, невозможно было бы объяснить живучесть и нашей церковной школы среди самыхъ неблагопріятныхъ условій исторической жизни Руси, напримѣръ, во времена ига Монгольскаго; а позднѣе—въ господство иноземныхъ вѣяній, когда правительство хотѣло передѣлать народную школу на иноземный ладъ,—народъ упорно отказывался отъ казеннаго учебища, не смотря даже на безплатность обученія, и на свои скудныя средства по прежнему предпочиталъ отдавать дѣтей своихъ въ школы церковникамъ.

Въ заключеніе, говоря о приходскомъ характерѣ древне-Русской школы, нельзя не отмѣтить слѣдующаго знаменательнаго факта. Древность наша не знала и не имѣла школы *земской*. Это отмѣчено историками.

«Въ теченіе всей земской эпохи, говоритъ проф. Леонтовичъ,—нѣтъ нигдѣ въ источникахъ ни малѣйшаго намека на «земскія» училища, которыя бы учредились силами и средствами данной земли, по рѣшенію замскаго вѣча—главнаго органа автономной общины—земли. *Въ компетенцію земскаго наряда, очевидно, не входилъ вовсе школьный вопросъ.* Училища въ то отдаленное время учреждались лишь мелкими общинами, которыя непосредственно нуждались въ школѣ—*приходами*, имѣвшими свой храмъ и свой причтъ, съ которыми, какъ мы знаемъ, школа находилась въ тѣсной бытовой связи. Училища такимъ образомъ имѣли характеръ *не общеземскихъ*, а лишь *приходскихъ* училищъ, удовлетворявшихъ главнымъ образомъ нуждамъ населенія *своего прихода*» [2]).

Это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, мы не имѣемъ ни одного вѣчеваго опредѣленія относительно устройства школъ; земство не считало себя въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ. Не бывало на Руси «земскихъ» школъ и въ послѣдующее время не только древней, но и новой Руси, до учрежденія «земства» въ эпоху реформъ Александра II-го.

Еще слѣдуетъ остановиться на вопросѣ: было ли въ древней Руси обученіе *обязательнымъ?* Нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на выраженіи лѣтописца, что Владиміръ св., «ославъ нача *поимати* у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученіе книжное», и Ярославъ «*собра* отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ», и давалъ священникамъ «отъ имѣнія своего урокъ», *веля* имъ учити люди», предполагаютъ, что обученіе было *обязательнымъ*.

Но это предположеніе, при ближайшемъ его разсмотрѣніи, оказывается неосновательнымъ и произвольнымъ.

Справедливо, что св. Владиміръ на первый разъ употребилъ княжескую власть, чтобы образовать школу. Но, вопервыхъ, эта мѣра была частною и никакъ не распространялась на всю Русь; вовторыхъ, она касалась только «нарочитой чади», а не всѣхъ, и наконецъ, была мѣрою временною. Подобно тому и Ярославъ тоже собралъ дѣтей нарочитой чади—«отъ старостъ и поповыхъ дѣтей». Повелѣніе его священникамъ учить дѣтей—служило простымъ напоминаніемъ ихъ прямой обязанности и вовсе не распространялось на посѣщеніе школъ дѣтьми. Такимъ образомъ приведенныя выраженія лѣтописца вовсе не говоритъ объ обязательности

[1]) *Лешковъ*, стр. 421.

[2]) *Леонтовичъ*, Школьный вопр. въ др. Руси, стр. 14.

обученія, какъ мѣрѣ *государственной*. Напротивъ, всѣ приведенныя выше лѣтописныя данныя говорятъ о томъ, что обученіе и посѣщеніе школъ дѣтьми было *свободнымъ*; да оно и *не могло* быть инымъ, разъ школа была *приходскою*.

VI. Общеобразовательный характеръ, учебный курсъ и способъ ученія въ древне-русскихъ школахъ.

1) Чѣмъ были наши древнія училища,—*общеобразовательными-ли начальными школами*, или *спеціальными* учрежденіями для приготовленія духовенства, столь нужнаго для устроиваемыхъ тогда церквей?

Лавровскій, говоря о широкомъ, повсемѣстномъ распространеніи училищъ въ древней Руси, высказываетъ предположеніе о существованіи на Руси *высшихъ училищъ*, причемъ подкрѣпляетъ свое предположеніе сравненіемъ съ состояніемъ образованія въ тогдашней Византійской имперіи, въ Болгаріи, и также у Чеховъ и Поляковъ. Подкрѣпленіе своему соображенію почтенный изслѣдователь находитъ и въ памятникахъ древней нашей литературы. Съ одной стороны, эти памятники вообще свидѣтельствуютъ о высокихъ дарованіяхъ и образованіи авторовъ ихъ; съ другой,—въ этихъ памятникахъ существуютъ свѣдѣнія о такихъ предметахъ, которые никоимъ образомъ не могли входить въ элементарный курсъ. Такъ *риторика* у насъ извѣстна еще въ XI в., что̀ видно изъ изборника 1073 г., гдѣ помѣщена ст. Георгія Хуровскаго «о образѣхъ» (метафорахъ); къ тому же времени относится переводъ *діалектики* Іоанна Дамаскина; встрѣчаются *психологическія* свѣдѣнія (въ Шестодневѣ І., Болгарскаго экзарха), по *логикѣ* и *философіи*; есть факты, свидѣтельствующіе о знаніи нашими предками того времени *географіи*. «Изборники» и «Пчелы» имѣли, какъ извѣстно, самое разнообразное содержаніе. При этомъ Лавровскій указываетъ и на высокое образованіе первыхъ устроителей нашихъ училищъ—Грековъ и Болгаръ [1]).

Но всѣ эти предположенія остаются лишь въ области возможнаго, но недоказаннаго. Если бы у насъ были высшія училища, то не можетъ быть сомнѣнія, что свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ объ устроеніи ихъ, были бы занесены въ лѣтописи; между тѣмъ памятники наши положительно не даютъ никакихъ свѣдѣній о подобныхъ училищахъ [2]).

---

[1]) *Лавровскій*, стр. 74. «Могли-ли, говоритъ онъ, столь просвѣщенные пастыри, получившіе образованіе въ высшихъ школахъ образованнѣйшей страны того времени (въ Византійской Имперіи), вполнѣ устроенныхъ и состоявшихъ подъ бдительнымъ и покровительственнымъ надзоромъ правительства, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи столь обширныя средства, при томъ вліяніи на князей, какимъ они пользовались, при томъ уваженіи къ нимъ послѣднихъ, могли ли эти пастыри довольствоваться устройствомъ школъ только *для сообщенія первоначальныхъ знаній*, могли-ли они довольствоваться *частными* мѣрами для сообщенія высшихъ знаній только лицамъ избраннымъ, уже заранѣе назначеннымъ для занятія высшихъ степеней въ церковной іерархіи, и до какой степени возможенъ этотъ преждевременный выборъ? Намъ кажется (продолжаетъ авторъ), что на всѣ предложенные вопросы можетъ дать отрицательный отвѣтъ только тотъ, *кто, при отсутствіи непосредственныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, откажется отъ всякаго пособія со стороны историческихъ соображеній*, руководимыхъ здравымъ смысломъ и *неопровержимымъ* (?) *сходствомъ явленій*».

[2]) Проф. *Леонтовичъ* рѣшительно возстаетъ противъ предположенія, что въ XI в. и даже позднѣе могли существовать у насъ «хотя бы зародышевыя формы элементарнаго, средняго и высшаго образованія,—формы, мало извѣстныя въ то время и на Западѣ». Школа XI в., устроенная «на утвержденіе вѣры», не могла получить сословнаго характера (тогда и сословій не было) приготовленія священниковъ. Леонтовичъ присоединяется къ мнѣнію Забѣлина, что древне-Русская школа была «общенародна и всѣхъ ихъ образомъ: дѣти первостепеннаго боярина обучались точно также, какъ и дѣти простолюдина». (Леонтовичъ, стр. 7; ср. Забѣлина «Хар. др.-р. образованія», въ отвѣтъ Куприянову.)

На *элементарный* характеръ обученія въ древнихъ нашихъ школахъ указываетъ *курсъ* ихъ, который, какъ увидимъ далѣе, состоялъ въ чтеніи, письмѣ и пѣніи. Наконецъ, что древне-русская школа была элементарною, общеобразовательною, на это указываетъ то обстоятельство, что въ нихъ учились только *дѣти*, какъ это видно изъ всѣхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ учрежденіи школъ, причемъ иногда говорится «юныя дѣти», «отроки», «младенцы».

Строго держась лѣтописныхъ свидѣтельствъ, слѣдуетъ положительно признать, что наши древнія училища представляли *элементарную школу, общеобразовательную церковнаго характера*, или просто *церковно-приходскую школу*,—типъ, который сохранился отъ древнихъ временъ до нашихъ дней, и что всего замѣчательнѣе, сохранился *непрерывно* и *преемственно*, въ теченіе девяти вѣковъ; сохранился же потому, что онъ какъ возникъ, такъ оставался всегда *при церкви въ приходѣ*.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что наши пастыри озабочивались мыслію о подготовкѣ *духовенства* изъ русскихъ людей, достойныхъ своего призванія. Этого требовало самое тогдашнее положеніе Русской церкви, въ эпоху ея первоначальнаго учрежденія; но они не менѣе озабочивались и необходимостью духовнаго *просвѣщенія*, ново-крещеннаго народа. На нихъ лежала обязанность передать народу ученіе вѣры и нравственности христіанской, перевоспитать его, искоренять языческія заблужденія, исправлять нравы, учить, назидать, руководить, привлекать народъ къ церкви, дѣлать вѣру живою. Они понимали, что «книжное ученіе», направляемое и руководимое духовенствомъ, можетъ служить одинаково превосходнымъ средствомъ *для той и для другой цѣли*. И дѣйствительно, древняя церковно-приходская школа, *служа христіанскому просвѣщенію народа*, въ то же время *сообщала начальное образованіе и кандидатамъ священства*, приготовляла грамотныхъ членовъ клира. Лучшія, избранныя натуры, одаренныя богатствомъ духовныхъ силъ и дарованій, изъ школы шли въ монастыри (какъ св. Осодосій), или путемъ самообразованія достигали высокой степени духовнаго развитія [1]).

Скажутъ, велико разстояніе отъ грамоты до ораторства, отъ азбуки до богословія, отъ чтенія до сочиненія, отъ убогаго школьника до высоты просвѣщеннаго пастыря. Не такъ велико, какъ кажется; надо только имѣть въ виду, что̀ такое была грамота и чтеніе въ древней нашей школѣ, чему и какъ учили въ ней. Предковъ нашихъ это разстояніе не смущало,—его для нихъ не было. Въ Степенной книгѣ пишется: «Тако благодатію Божіею слицы *научишася грамотѣ, отъ нихъ* же бысть *множество премудрыхъ философъ*» [2]). Научились грамотѣ, а вышли «премудрые философы», то-есть, люди высокаго образованія.

---

[1]) Въ древней Руси *спеціальныхъ* училищъ вообще не было. Школа давала только образованіе общее и необходимое; для священниковъ же подготовкою затѣмъ служила всего болѣе *церковная практика*, также и для клириковъ; подобно тому и военное образованіе, судейское дѣло—изучались чисто практическимъ путемъ, первое—въ дружинѣ, второе—въ княжихъ, вѣчевыхъ и земскихъ учрежденіяхъ. «Древне-русская школа, говоритъ Леонтовичъ, вовсе неимѣвшая профессіональнаго характера, была доступна для всѣхъ и каждаго, являлась православно-воспитательнымъ заведеніемъ, *общенародной школой*, приспособленной къ несложнымъ задачамъ и нуждамъ Русскаго просвѣщенія того времени».

[2]) Степ. кн. I, стр. 143. Слово *философъ* въ древней Руси имѣло значеніе человѣка образованнаго, свѣдущаго въ книгахъ,—преимущественно въ разумѣніи божественныхъ книгъ. Такъ о Владимірѣ Ростиславичѣ лѣтописецъ говоритъ: «бѣ же разумѣя притчи и темно слово... зане бысть книжникъ великъ и философъ». Во всякомъ случаѣ это высшая степень тогдашняго образованія.

То слово, которое изучалось въ древней нашей школѣ, которое «крѣпитъ сердца и умы», умудряло и простецовъ, дѣлало ихъ духовно совершенными, просвѣщало ихъ разумъ. Несомнѣнно, что при этомъ проявлялась съ особенною силою и природная даровитость Русскаго народа, его прирожденная способность къ самоуглубленію, къ воспріятію высокихъ идей христіанства, къ воплощенію ихъ въ жизни искренно, правдиво.

Изъ дальнѣйшаго изслѣдованія мы увидимъ, какіе благодатные плоды дала Руси древняя школа, и увидимъ также, что школа эта была простая *церковно-приходская школа*, вся оживотворенная, проникнутая и согрѣтая духомъ православной церкви. Школа эта была *повсемѣстная*, вполнѣ *народная*, общедоступная,—*для всѣхъ «дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ»* [1]).

2) Въ древнихъ Русскихъ училищахъ преподавалось не много предметовъ, но всѣ они были объединены, вѣрнѣе сказать—представляли *одинъ* предметъ. Какъ подъ словомъ *книги* въ древности разумѣли книги священныя, подъ *ученіемъ* и грамотою разумѣлось чтеніе божественныхъ писаній, словомъ *начетчикъ* обозначался человѣкъ, начитанный въ священныхъ книгахъ; такъ подъ словомъ «книжное ученіе» разумѣлось духовное просвѣщеніе человѣка чтеніемъ священныхъ книгъ и отеческихъ писаній.

Собственно въ древнихъ нашихъ училищахъ преподавалось *три* предмета—*чтеніе, письмо* и *пѣніе*,—чтеніе *религіозное*, письмо—*священное*, пѣніе—*церковное*. Это наше исконное trivium, которое, явившись при Владимірѣ, сохранилось и до нынѣ въ церковной школѣ. Въ разное время къ этому курсу дѣлались прибавки, дополненія, но основа церковной школы всегда оставалась неизмѣнною. Конечно, умѣющій читать, писать и пѣть могъ употреблять это умѣнье и для другихъ цѣлей,—но древняя школа не знала ихъ.

О томъ, что въ древнихъ училищахъ обучали именно чтенію, письму и пѣнію существуетъ не мало свидѣтельствъ. Въ первыхъ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ мы находимъ большею частію общія выраженія: отрокъ вданъ бываетъ—«грамотѣ учитися», «книгамъ учитися», «учитися книжному писанію», «ученію книжному», «азбукамъ и всякому написанному святыхъ книгъ слову» и т. под. Въ этомъ смыслѣ лѣтописцы и книжную образованность мужей разума обозначали выраженіями: «бѣ любя словеса книжная», «книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и дне» (Ярославъ), «мужъ книженъ» (Иларіонъ), «мужъ хытръ книгамъ и ученію» (Кириллъ); «книгы разумно умѣетъ», «учителенъ и хытръ ученью божественныхъ книгъ», «исполненъ книжнаго ученія», «грамотѣ наученъ».

Нѣтъ нужды доказывать, что подъ грамотою разумѣется *чтеніе* и *письмо*. Князья были *грамотны*, любили чтеніе, они писали другъ къ другу, писали завѣщанія, договоры.

Пастыри церкви, воспитавшіеся въ древнихъ училищахъ нашихъ, оставили весьма многочисленные памятники письменности; свѣтскіе воспитанники тѣхъ же школъ вершили судъ и управленіе землею, по наряду князей, причемъ грамотность была необходимою, а нѣкоторые оставили и замѣчательные труды письменные.

---

[1]) Что касается князей, то они получали образованіе, по всей вѣроятности, *дома, въ семьяхъ*, но отъ тѣхъ же духовныхъ лицъ. Есть свидѣтельство о томъ, что князья вручали дѣтей своихъ для образованія владыкамъ, а тѣ поручали ихъ учителямъ—діаконамъ. Напр., такъ обученъ былъ князь Михаилъ Тверской.

Церковное пѣніе также входило въ обученіе; въ Кіевскомъ училищѣ Янки ему обучались даже дѣвочки; убійцы св. Бориса слышали его «*поюща* заутреню» и псалмы; о св. Ѳеодосіи пишется, что онъ тихо усты *пѣлъ* псалмы за работой.

Отцы собора 1551 г., собравшись, по наряду царя, между прочимъ для возстановленія образованія, въ виду его упадка, говорили: «а прежь сего въ Россійскомъ Царствѣ, на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по *инымъ градомъ многія* училища бывали, грамотѣ, и *писать*, и *пѣть*, и *читать* учили». Избранные отцы собора, знали, конечно, исторію школъ своего отечества не только по памятникамъ, но и по живому преданію, а потому указаніе ихъ, чему учили въ древнихъ школахъ, имѣетъ несомнѣнную достовѣрность; да и сами они назначили *тотъ же* курсъ и для училищъ своего времени [1]).

Что касается *возраста*, въ какой начиналось обученіе, то о немъ свидѣтельствуетъ постоянно встрѣчающееся въ лѣтописяхъ слово «дѣти», которыхъ берутъ въ училища. Значитъ, обученіе начиналось въ дѣтскомъ (точнѣе—въ отроческомъ) возрастѣ. Есть указанія на 7-ми и 8-ми лѣтній возрастъ [2]). Можно полагать, что дѣтей отдавали въ ученье въ предѣлахъ отъ 7 до 9 лѣтняго возвраста; но въ лѣтописяхъ срокъ начала книжнаго ученья столь считается общеизвѣстнымъ, что о немъ говорится въ общихъ чертахъ: «времени приспѣвшу», «устрабившемуся *отроку* возрастомъ»...

Лавровскій, путемъ обстоятельныхъ изъясненій, доказываетъ, что начало ученія совпадало съ «постригами», которые въ язычествѣ совершались и раньше, но со времени христіанства стали дѣлаться позднѣе [3]).

Къ глубокой древности слѣдуетъ отнести и обычай нашего народа начинать ученье молитвой, служеніемъ молебна. У Грековъ св. Косма и Даміанъ почитались помощниками въ ученіи [4]), и къ нимъ обращались съ молитвою начинавшіе учиться. Естественно, что этотъ обычай могъ перейти и на Русь, тѣмъ болѣе, что книжное ученіе у насъ почиталось дѣломъ богоугоднымъ, полезнымъ для души. Молитвами начинались и наши древнѣйшія азбуки.

---

[1]) Замѣчательно, что это наше trivium находитъ подтвержденіе даже въ древнѣйшихъ былинахъ. Такъ въ былинѣ про Василія Буслаева говорится, что мать

Дала его учить грамотѣ,
Грамота ему въ *наукъ* пошла;
Посадила его перомъ *писать*,
Письмо Василью въ *наукъ* пошло;
Отдавала она его *пѣтью* учить,
Пѣтье Василью въ *наукъ* пошло...

Въ духовномъ стихѣ «Алексѣй Божій человѣкъ», по записи Т. И. *Филиппова*, пишется: «Сталъ Алексѣй свѣтъ на возростѣ, Въ подъемѣ Алексѣй было *семь* лѣтъ»—отецъ «отдалъ его *грамотѣ* учиться, скоро ему грамота далася, А скорѣй того ему *рукописанье*». Стихъ этотъ принадлежитъ къ былинной эпохѣ. Въ стихѣ «про Егорія храбраго» пишется, что когда стали его топить въ морѣ, «онъ *пѣлъ* стихи херувимскіе». Собр. нар. пѣсенъ Т. Филиппова, стр. 14. Такимъ образомъ *грамота*, *письмо* и *пѣніе*, по взгляду нашихъ предковъ, составляли необходимую принадлежность героевъ древности и святыхъ мужей.

[2]) См. у *Лавровскаго*, стр. 114. Такъ о Петрѣ М. сказано: «рождшуся же отрочати и *седьмаго лѣта* возраста достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися» (ст. кн. 411). Кн. Михаилъ Тверской началъ учиться 8 л., Василько Константиновичъ обучался 9 л. (въ Ростовѣ, у крестнаго).

[3]) Постриги (обрѣзываніе волосъ) служили обрядомъ признанія гражданской личности ребенка. См. Лавровскаго, стр. 115 и далѣе.

[4]) Лавровскій, стр. 119.

3) *О способѣ ученія* въ древнихъ школахъ извѣстій въ лѣтописяхъ не сохранилось. Дѣло это представлялось, вѣроятно, лѣтописцамъ слишкомъ извѣстнымъ и не настолько важнымъ, чтобы о немъ говорить подробно. Въ наказаніи м. Михаила рекомендуется «Частое послушиваніе», то-есть, *повтореніе* изученнаго, говорится о *соотвѣтствіи урока силамъ* каждаго ученика. Отсюда видно, что въ школахъ были многіе ученики, разныхъ способностей, и уроки задавались имъ не одинаковые; значитъ, обученіе было не общее, а одиночное. Это весьма вѣроятно, потому что такъ дѣло велось и въ школахъ церковныхъ недавняго прошлаго. Зависѣло это отъ того, что книги не у всѣхъ были одинаковыя. При этомъ въ древнихъ школахъ едва ли было правильное раздѣленіе учащихся на группы, на классы, а учились въ одной избѣ вмѣстѣ и слабые, и успѣвающіе, и вновь поступившіе, и начавшіе ученіе раньше. И это бывало въ нашихъ школахъ грамоты, по старинѣ. Дѣлу при этомъ помогала любовь къ дѣлу учителя и усердіе учениковъ, а также семейный характеръ школы.

Печатныхъ книгъ тогда не было, слѣдовательно, не было и печатныхъ азбукъ,— тѣ и другія писались. Есть поводъ думать, что обученіе чтенію соединялось съ письмомъ. Объ этомъ есть позднѣйшее свидѣтельство Степенной книги, гдѣ говорится, что м. Петръ въ дѣтствѣ «елика *написоваше* ему учитель, малымъ *проученіемъ* изучеваше» [1]), то-есть, учитель прописывалъ буквы, а можетъ быть, слоги и слова, а ученикъ «проучивалъ», прочитывалъ, списывалъ и усвоялъ, затверживалъ изучаемое. Пріемъ этотъ исчезъ съ появленіемъ печатныхъ азбукъ, но онъ годится и для нашего времени [2]).

Все изучаемое *изъяснялось* и толковалось, то-есть, учители заботились, чтобы чтеніе учащихся было не механическое, а разумное. Объ этомъ есть свидѣтельство въ разныхъ источникахъ. Такъ въ «Изборникѣ Святослава» (1076 г.) о чтеніи говорится: «Егда чьтеши книгы, не тштися *бързо* иштисти до другыя главизны, нъ *поразумѣи, чьто глаголютъ* книгы и словеса та, и тришьды обраштяяся о единой главизнѣ». Иначе и чтеніе было бы безполезно и не могло служить средствомъ просвѣщенія. «То мы, братия, *поразумѣимъ* и послушаимъ *разумьныма ушима* и поразумѣимъ *силу* и поучение святыхъ книгъ», говорится далѣе. Объ этомъ характерѣ ученія говорятъ и позднѣйшія свидѣтельства. Такъ Геннадій, арх. Новгородскій, возвращаясь къ старинѣ и желая возрожденія школъ его времени, говоритъ, какъ надо «учить во училищѣ»: «первое—*азбука* граница *истолкована совсѣмъ*, да и подтительные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко» и т. д. И Стоглавъ заповѣдуетъ учить учениковъ «и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести *со всякимъ духовнымъ наказаніемъ*» (наставленіемъ); чтобы священники «учили грамотѣ, сколько сами умѣютъ, *и силы бы писанія* имъ (ученикамъ), сказывали». Разумность обученія вытекала изъ высокаго взгляда нашихъ предковъ на грамотность, какъ увидимъ это далѣе.

VII. Обученіе чтенію, письму и пѣнію въ древне-русской школѣ.

О ходѣ *обученія чтенію* въ древнихъ училищахъ лѣтописныхъ сказаній у насъ не сохранилось, и потому приходится ограничиваться только соображеніями и свидѣтельствами позднѣйшаго времени. Первыми учителями у насъ были Греки

[1]) Ст. кн. 1, 411.

[2]) У насъ въ дидактикахъ соединеніе чтенія съ письмомъ въ обученіи грамотѣ усвояется обыкновенно нѣмцамъ, изобрѣтшимъ его въ 30-хъ годахъ, а на Руси онъ былъ издревле.

и Болгары; у первыхъ не только начальное, но и высшее обученіе достигло значительнаго развитія; вторые же имѣли школы уже за сто лѣтъ до крещенія Руси. Вѣроятно и у насъ шло обученіе грамотѣ, какъ оно велось въ Византіи, велось въ православной Болгаріи и велось у насъ впослѣдствіи.

Послѣ «обычнаго моленія», дѣти садились за *азбуку*. Были ли въ это время у насъ особыя азбуки, и это неизвѣстно. Если были, то рукописныя; а можетъ быть и такъ, что азбука изучалась черезъ *прописываніе* буквъ учителемъ, на что есть указаніе въ житіи м. Петра. Азбука была, конечно, *Кириллица;* глаголическое письмо употреблялось только у западныхъ Славянъ. Послѣ отдѣльнаго изученія буквъ въ алфавитномъ порядкѣ, буквы сочетались въ слоги и слова. Такъ какъ съ чтеніемъ проходилось и *письмо,* то изучалось и общепринятое правописаніе, знаки строчные и надстрочные. Пособіемъ при изученіи буквъ служили *акростихи,* то-есть, нарочито подобранныя изрѣченія, изъ коихъ каждое начиналось съ новой буквы, въ алфавитномъ порядкѣ [1]). Въ житіи св. Стефана Пермскаго есть указаніе, что св. Кириллъ Философъ не только составилъ азбуку словенскую, но и сложилъ еще *грамоту,* подъ которою есть основаніе предполагать стихотвореніе св. Кирилла, замѣнявшее азбуку. Въ Псковскомъ хронографѣ *грамота* эта названа *литицей.* Дѣйствительно такъ и называется это стихотвореніе въ нѣкоторыхъ древнихъ его спискахъ. Азбуковные акростихи были въ употребленіи и въ греческихъ школахъ; по всей вѣроятности и литица Константина была составлена по образцу греческихъ стихотвореній. Въ позднѣйшихъ азбукахъ XVI и XVII в. такіе акростихи встрѣчаются нерѣдко. Они служили вспомогательнымъ средствомъ для запоминанія буквъ алфавита, какъ средство мнемоническое, и изучались съ толкованіемъ. По изученіи азбуки ученику давалась книга, по которой онъ и навыкалъ чтенію. Книга эта была *псалтирь.* На такой способъ обученія указываетъ ревнитель школьнаго образованія Геннадій, арх. Новгородскій. «А мой совѣтъ о томъ, что учити въ училищахъ, первое *азбука* граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да и *псалтыря* съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучятъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и *чести всякія книги*».

Хотя это писалось въ XV в., но преданія древности были еще живы, да и самъ Геннадій обучался, вѣроятно, такимъ же способомъ. За достовѣрность такого хода ученія ручается и то обстоятельство, что онъ сохранился доселѣ у преданныхъ старинѣ старообрядцевъ и въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ; подтверждается онъ и дошедшими до насъ древнѣйшими рукописными и печатными азбуками XVI и XVII в.

Что первою учебною книгою была *Псалтирь,* а не другая книга, для этого есть много основаній. Кромѣ живаго преданія и замѣчательнаго факта—сохраненія псалтири въ качествѣ учебной книги въ церковныхъ школахъ до нашихъ дней, есть лѣтописныя свидѣтельства, что псалтирь, какъ говоритъ Геннадій, «изучался накрѣпко». Псалтирь былъ любимой книгой не только духовенства, но и князей и народа. При этомъ псалмы не только изучались напзусть, но и пѣлись.

У Нестора есть трогательный разсказъ объ убійствѣ св. Бориса злодѣями, подосланными Святополкомъ, на р. Альтѣ.

---

[1]) Напр., Азъ прежде о Господѣ Богѣ начинаю вѣщати.
Бога чту, Бога Сына славлю, Бога Духа Святаго проповѣдую.
Въ лицы раздѣляемъ, но Божествомъ не растлимъ и т. д.

«Послании, говоритъ лѣтописецъ, придоша на Льто почью, и подступиша ближе, и слышаша блаженнаго Бориса *поюща заутреню:* бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. И вставъ *нача пѣти*, глаголя: «Господи! что ся умножиша стужающіи мнѣ? мнози въстаютъ на мя». И *паки:* «яко стрѣлы твоя уязвоша во мнѣ; яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть». И *паки* глаголаше: «Господи услыши молитву мою, и не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живый, яко погна врагъ душу мою». И кончавъ оксапсалма, увидѣвъ, яко послани суть губити его, *нача пѣти псалтырю,* глаголя: «яко обидоша мя уныи тучни, и сборъ злобивыхъ осѣде мя, Господи Боже мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя». Посемъ же нача *канунъ пѣти;* таже кончавъ заутреню, помолися глаголя, зря на икону, на образъ Владычнь, глаголя сице: «Господи Іисусе Христе! иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и пріимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби пріяти страсть; се же не отъ противныхъ пріимаю, но отъ брата своего, и не сотвори ему, Господи, въ семь грѣха». И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемь. И се нападоша акы звѣрье дивіи около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса».

Предвидя смерть, страдалецъ искалъ успокоенія въ пѣніи псалмовъ, которые онъ зналъ, умѣлъ, очевидно, не только читать, но и пѣть. Въ этомъ разсказѣ превосходно выражено и высокое духовное значеніе псалмовъ для человѣка вѣры въ невыразимо тяжелыя, скорбныя до смерти, минуты жизни. Велика та школа, которая дала страдальцу такое утѣшеніе. По истинѣ Псалтирь книга несравненная, и предки наши хорошо понимали ея учительное и воспитательное значеніе.

Псалтирь былъ *путевою* книгою, которую предки наши брали съ собою въ дорогу и къ которой въ трудныя минуты они обращались. Вспомнимъ Мономаха, который, находясь въ пути, отказался участвовать въ войнѣ противъ Ростиславича, считая это дѣломъ неправеднымъ, и въ скорби обратился къ Псалтири. «Усрѣтоша мя, пишетъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ, послы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: «поѣзжай къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ; аще ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ»; и рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити. И отрядивъ я, *вземъ Псалтирю въ печали* разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя»? и проч.—

Пр. Несторъ пишетъ о св. Ѳеодосіи, что онъ любилъ псалтирь и пѣлъ псалмы за прядѣніемъ волны. Вотъ трогательная картина келейной жизни XI в., по изображенію лѣтописца: инокъ Иларіонъ день и ночь *переписываетъ* въ келліи пр. Ѳеодосія книги. Другъ его Никонъ *переплетаетъ* ихъ, а Ѳеодосій, прядя волну, «*поетъ псалтирь* усты тихо» [1]).

О Св. Спиридонѣ пишется, что онъ «труждашеся о спасеніи души своей крѣпко, *безпрестанно псалтирь поя*, и *весь на кійждо день скончевая*». Псалтирь имѣлъ у насъ всегда самое широкое распространеніе въ народѣ. Пергаменные списки его восходятъ къ XI в. и раньше. Если же справедливо, что онъ былъ и учебною книгою въ школахъ, то домашніе списки его были распространены по всей Руси.

---

[1]) Патер. печ., стр. 47.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что псалтирь, какъ это положительно извѣстно, служилъ учебною книгою въ школахъ не только Византійскихъ, но и западныхъ, гдѣ грамотные назывались даже «псалтирниками» (psalterati); блаженный Іеронимъ считаетъ обязанностію монаховъ знать ее наизусть [1]). Тоже заповѣдуетъ и св. Ѳеодосій братіи.

Псалтирь служилъ руководствомъ жизни. Въ посланіи къ Мономаху митр. Никифоръ пишетъ: «И едино ти реку на конци, христолюбивый княже мой: воспоминаніе имѣи третіего *псалма* перьваго часа, иже есть ρ, и *съ вниманіемъ его пои:* Милость и судь пою тебѣ, Господи, и проччая его; и тъи есть истинный икунникъ (изображеніе) царское и княжьское икуны. А еже глаголемая отъ него испытовая и храняи, тотъ приближеніа улучать, иже и просвѣтитъ тя еще и еще разумнѣи ти очи, и отвратить отъ нихъ всяку суету, и освятить ти слухъ, и очистить сердце, и исправить стопы, и измѣть нозѣ твои отъ поплъзеніа». Такое высокое значеніе усвоялось псалтири нашими предками.

По изученіи псалтири ученикъ приготовленъ былъ къ чтенію другихъ божественныхъ книгъ и отеческихъ писаній. Грамота въ школѣ была *не цѣлью,* но средствомъ духовнаго просвѣщенія человѣка.

О способахъ *обученія письму* въ лѣтописяхъ не сохранилось никакихъ указаній; но о томъ, что письмо было у насъ распространено и, слѣдовательно, ему обучали въ училищахъ, есть довольно свидѣтельствъ. Наши князья этой эпохи всѣ были грамотны; въ монастыряхъ писаніе, списываніе священныхъ книгъ, было повсемѣстнымъ и считалось дѣломъ богоугоднымъ, какимъ оно считалось и на западѣ до книгопечатанія,—тамъ оно считалось какъ бы проповѣдью слова Божія [2]). Переписывались книги священныя «собѣ на спасение и всѣмъ крестьяномъ на утѣху» (въ утѣшеніе), какъ выразился одинъ древній списатель Евангелія. Бывали случаи, что взрослые, поступивъ въ монастырь, научались въ нихъ чтенію и письму, какъ это было, напримѣръ, съ св. Спиридономъ, который «невѣдый писанія, нача учитися книгамъ, аще и лѣты не младъ сый».

Въ древней Руси біографіи имѣли только мужи святые, прославившіеся духовными подвигами [3]); поэтому только изъ этихъ житій и можно черпать нѣкоторыя подробности древняго быта и просвѣщенія. Такимъ образомъ о писаніи книгъ и книгодѣліи мы имѣемъ свѣдѣнія относительно Иларіона, Никона, Ѳеодосія; но тоже бывало, конечно, и въ другихъ монастыряхъ. Книгодѣліе на Руси было весьма распространено,—объ этомъ свидѣтельствуетъ обиліе памятниковъ этой эпохи. Соображая лѣтописныя сказанія о книгодѣліи въ Печерскомъ монастырѣ, Лавровскій

[1]) См. у Дюканжа, Glossar. Latin. подъ словомъ psalteratus, которое истолковывается такъ: qui *scit legere,* psalterium scilicet. Здѣсь же, въ наставленіи ищущему монашества, Іеронимъ говоритъ: nunquam de manu tua et oculis tuis recedat liber, *discatur psalterium ad verbum.* Не знающій Псалтири не посвящался даже въ епископы.

[2]) Quod ore non possumus, Dei verbum manibus praecedimus. Quot enim libros scribimus, tot nobis veritatis praecones facere videmur.

[3]) Да и о тѣхъ затруднялись писать по скромности христіанской, какъ это можно видѣть изъ повѣствованій Поликарпа объ угодникахъ Печерскихъ. Только повинуясь желанію настоятеля, онъ рѣшается писать о подвижникахъ, но и то съ оговоркою, «чтобы и будущіе черноризцы увѣдали благодать Божію, бывшую на семъ святомъ мѣстѣ и прославили Отца Небеснаго, показавшаго такіе свѣтильники въ Русской землѣ». Говоря объ Антоніи, Поликарпъ замѣчаетъ: «если такое свѣтило угаснетъ по нашей небрежности: то какъ возсіяютъ отъ него лучи? Разумѣю отцовъ препод. нашихъ Печерскихъ... если я умолчу, то они останутся забвенными навсегда, и имена ихъ не помянутся, какъ было до сего дня».

ставитъ вопросъ, не была ли келлія Ѳеодосія тоже, что̀ scriptorium въ западныхъ монастыряхъ, то-есть, особыя помѣщенія, съ приспособленіями для письма, гдѣ пишущіе были свободны отъ всякихъ помѣхъ своему дѣлу и имѣли подъ рукою все нужное для письма. Очень можетъ быть, что, при простотѣ тогдашней монастырской жизни на Руси, для этой цѣли могла служить и келлія просвѣщеннаго настоятеля.

Стефанъ Новгородецъ (въ половинѣ XIV в.), путешествовавшій на Аѳонъ, говоритъ, что нашелъ тамъ своихъ земляковъ—Новгородцевъ Ивана и Добрилу, которые жили въ монастырѣ, «списаючи отъ книгъ Св. Писанія, зане бо искусни сѣло книжному списанію»,—это искусство пріобрѣли они, конечно, на родинѣ, въ школахъ или въ монастыряхъ русскихъ. Припомнимъ, что изъ Студійскаго монастыря «посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги» [1]), гдѣ и трудились наши просвѣщенные иноки на пользу родной Церкви и образованія въ тишинѣ и въ неизвѣстности. Тоже дѣлали иноки и въ своихъ монастыряхъ. Каждое собраніе такихъ писцовъ представляло какъ бы особую школу, руководимую опредѣленными правилами, что можно замѣчать и на самыхъ рукописяхъ.

Письмо составляло особое искусство, къ изученію котораго относились весьма тщательно, о чемъ свидѣтельствуютъ рукописи. Въ послѣсловіяхъ ихъ постоянно встрѣчаются прошенія писцовъ не осуждать ихъ за погрѣшности. «Аще кдѣ криво налѣзете, то исправивъше чьтѣте же, а не кльнѣте» (Евanг. 1144 г.); «аще кдѣ буду изгрубилъ, или у тузѣ, или въ печали, или въ бесѣдѣ коли съ другомъ, а вы Бога дѣля исправляюче чтѣте, зане грѣхъ клясти тружающагося Бога ради» (Ев. 1307). Монахъ Лаврентій такъ заключаетъ свою лѣтопись: «и нынѣ господа оци и братья! Оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, зане книгы вотшаны, а умъ молодъ не дошелъ». Это выраженіе скромности и недовѣрія къ себѣ вообще свойственно нашимъ писателямъ книгъ, смотрѣвшимъ на дѣло свое, какъ на дѣло Божіе. Но изъ этихъ и другихъ заявленій видно, что писцы имѣли опредѣленныя понятія о своемъ искусствѣ,—писца криво, переступая строку, допуская описки, переписки и недописки, они грѣшили противъ его правилъ. На одной рукописи XI в., заключающей въ себѣ слова Григорія Богослова, сдѣлана искусною рукою надпись: «чьгле кривая главо пиши прямо» (цеголъ, кривая голова, пиши прямо). Вѣроятно надпись сдѣлана руководителемъ писанія (на западѣ они назывались armarius).

Замѣчательно, что рукописи первой эпохи нашего просвѣщенія отличаются особыми достоинствами, какъ въ отношеніи правильности текста, такъ и изящества письма. Правильность письма относилась не къ начертанію только, но и къ правильному употребленію буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, что предполагаетъ уже болѣе или менѣе опредѣленное правописаніе. «Ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ древней нашей письменности, говоритъ Лавровскій, совершенно убѣждаетъ насъ въ справедливости такого заключенія: въ нихъ мы дѣйствительно находимъ правильное и послѣдовательное употребленіе буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, которое пріобрѣталось, безъ сомнѣнія, посредствомъ обученія» [2]). Поэтому справедливо полагать, что правила эти были *предметомъ обученія* въ

---

[1]) Сказанія Рус. Нар., Сахарова. II, стр. 53.

[2]) *Лавровскій*, стр. 139. Авторъ дѣлаетъ даже опытъ системы древняго Русскаго правописанія, на основаніи рукописей (стр. 140—171). Изслѣдованіе это составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу палеографію. См. также «Судьбы церковнаго языка» *Виларскаго*, стр. 269 и далѣе. Виларскій имѣетъ въ большую заслугу давшему Григорію сохраненіе имъ въ его спискѣ *древняго правописанія*.

тогдашнихъ *школахъ* при обученіи письму. Важнымъ пособіемъ въ этомъ дѣлѣ служила и практика—списываніе образцовыхъ рукописей, которыя могли служить и прописями при обученіи письму.

Пѣніе составляло излюбленное занятіе нашихъ предковъ, именно церковное, оно входило и въ курсъ нашей древней школы. Извѣстно, что пѣніе на богослуженіи въ Софіи Византійской глубоко тронуло и поразило нашихъ предковъ при испытаніи ими вѣръ, въ лицѣ десяти мужей избранныхъ. Съ вѣрою православною явилось у насъ и пѣніе, составляющее важную часть богослуженія. Въ лѣтописи еще въ XI в. упоминается о званіи *демествѣника*, уставщика и руководителя пѣнія [1]); преемникъ преп. Ѳеодосія былъ *демествникъ* Стефанъ. Извѣстный Кирикъ, составитель «ученія, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ», именуетъ себя «грѣшнымъ и худымъ калугеромъ Антоновскимъ (Антоніева Новг. мон.) Кирикомъ діакономъ, *демествникомъ* церкви Пресвятыя Богородицы». Въ древнѣйшемъ житіи Бориса и Глѣба пишется: «архіепископъ же—постави попы и дьяконы и повелѣ имъ пѣти—и постави имъ старѣйшину». Есть свидѣтельство, что и *народъ* самъ *принималъ участіе въ церковномъ пѣніи*. Такъ, при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба (1072 г.) народъ пѣлъ «Господи помилуй», и «аки изъ пчелъ исхожданіе гласъ «Господи милуй» [2]). Пѣнію обучались не только лица духовныя, для коихъ пѣніе было обязательно и составляло необходимость, но и лица свѣтскія. Такъ, св. Борисъ *тьлъ псалмы* передъ кончиною. Въ походѣ на Половцевъ (1111 г.) «Володимеръ приставн попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, *пѣти* тропари и кондаки Христа честнаго и канунъ Святой Богородицѣ» [3]). Игорь Ольговичъ былъ не только «читатель книгъ», но и «*въ пѣніи* церковномъ ученъ» [4]). Послѣ побѣды надъ Половцами м. Константинъ съ в. к. Мстиславомъ Изяславичемъ благодарственныя пѣсни *велегласно вопіюще* съ великою радостію, глаголюще: понмъ Господеви». Михаилъ, кн. Тверской, мучимый Татарами, *тьлъ псалмы* [5]). Димитрій Красный при кончинѣ «нача *пѣти демествомъ*: Господа пойте». И эта любовь князей къ пѣнію сохранялась въ послѣдующее время. Въ XI в. у насъ уже были свои пѣвчіе, уставщики пѣнія и даже пѣснотворцы. Такъ Георгій, «*творецъ канововъ*», написалъ службу пр. Ѳеодосію при открытіи мощей его (1095 г.), мученикамъ Борису и Глѣбу, великомученику Георгію. Кириллъ Туровскій также былъ извѣстенъ составленіемъ молитвъ и пѣснопѣній.

Первыми учителями нашими въ пѣніи были Болгарскіе пѣвцы, въ чемъ согласны всѣ изслѣдователи [6]); впослѣдствіи же, со временъ Ярослава, приняли въ этомъ дѣлѣ участіе и Греки [7]). Обстоятельство это весьма важно. Принявъ Св. Вѣру

---

[1]) Domesticus, qui curat ut recte canatur, cantum imponit seu inhoat, опредѣляетъ Дюканжъ въ Glossar. Graec., но это значеніе не вполнѣ точно. Доместики принадлежали собственно царскому двору и пѣніе ихъ было особенно изысканнымъ, парочитымъ.

[2]) Ст. книга, стр. 213. Причемъ пѣли погречески—«киріе элейсонъ». Тоже пѣли и Звенигородцы въ 1146 г., освободившись отъ враговъ.

[3]) Ипат. л., стр. 2.

[4]) *Татищ.* II, 313.

[5]) Степ. кн. 309, 432.

[6]) Лавровскій, стр. 175. Ср. Чт. общ. ист. и древн. Рос. 1847 г., № 7, стр. 11.

[7]) Въ 1137 г., по извѣстію лѣтописца, «поставленъ бысть сконецъ Манунло епископомъ Смоленеску, *пѣвецъ гораздый*, иже пришелъ изъ грекъ *самъ третій* къ благолюбивому князю Мстиславу». Подъ 1152 г.: «Въ Кіевъ пришли *тріе пѣвцы* изъ грекъ съ роди своими». Отъ нихъ-то, по словамъ Степенной книги, началось *ангело-подобное* пѣніе, то-есть, *изрядное осмогласіе, трисоставное сладкогласованіе* (надо полагать—пѣніе на три голоса) и самое красное *демественное пѣніе* (пѣніе придворное).

и книжное просвѣщеніе на родномъ языкѣ, мы и пѣніе приняли отъ православнаго *Славянскаго народа*, близкаго намъ по духу творчества. Распѣвъ Болгарскій сохранился у насъ и доселѣ.

Къ сожалѣнію, о способахъ обученія пѣнію извѣстій мы не имѣемъ; судя же по его широкому распространенію, по необходимости его при православномъ богослуженіи, по любви къ нему народа русскаго, можемъ полагать, что пѣніе изучалось повсемѣстно, и по всей вѣроятности, болѣе *устно*, съ голоса, такъ какъ греческая нотація крайне сложна и затруднительна для изученія.

Преподавалась ли въ нашихъ древнихъ училищахъ *грамматика?* Прямыхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ; но въ житіи св. Ѳеодосія пишется, что когда его отдали «на ученье божественныхъ книгъ единуему отъ учителей», то отрокъ «вьскорѣ извыче *вся граматикія*, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтищя и о скорѣемь его ученіи». Можетъ быть, грамматика не была предметомъ всеобщаго обученія, но предлагалась способнѣйшимъ. Пособія же по грамматикѣ у насъ тогда были. Переводъ первой у насъ грамматики, подъ заглавіемъ: «Книга Св. Ивана Дамаскина философская о осмихъ частѣхъ слова», сдѣланный экзархомъ Болгарскимъ Іоанномъ, принадлежитъ X в. Этотъ трудъ былъ не столько переводъ, сколько *приспособленіе* Греческой грамматики къ языку Славянскому, о чемъ весьма ясно говоритъ самъ переводчикъ [1]). Одно уже сравненіе славянскаго языка съ Греческимъ могло служить выясненію грамматическихъ формъ перваго, содѣйствовать отчетливости и правильности рѣчи. Намъ извѣстно, что переводы Греческихъ книгъ на Славянскій языкъ и списываніе ихъ продолжались въ весь первый періодъ нашей школы и покровительствовались князьями [2]), а для этой цѣли нужно было знаніе обоихъ языковъ. Самыя рукописи наши, представляющія точность и послѣдовательность въ правописаніи, правильность въ употребленіи формъ, въ построеніи предложеній и періодовъ, указываютъ на знаніе роднаго языка. Но за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о преподаваніи грамматики въ школахъ, мы должны отнести изученіе ея къ свободной любознательности особенно даровитыхъ писателей древности нашей, для которыхъ ученіе, начинаясь въ школѣ, продолжалось всю жизнь.

Имъ, этимъ избранникамъ мысли и слова, могли быть доступны и грамматическія свѣдѣнія [3]). Школа же назначалась для дѣтей.

---

[1]) Іоан., экз. болг., стр. 131. См. у *Калайдовича*, Памятн. Рос. слов., 1821 г.

[2]) Зри о Ярославѣ Мудромъ. Для сына его Владиміра «попъ Упиръ Лихый» перевелъ толкованія на пророческія книги, что видно изъ надписи на рукописи: «Слава тебѣ Господи, Царю Небесный, яко сподоби мя написати книги си, не Куриловицѣ, Князю Володимеру, Новгородѣ княжащю, сыновѣ Ярославлю болшему». Началъ писать 15 мая, а окончилъ 19 дек. 1046 г.

[3]) Любопытно, что переводчикъ грамматики Дамаскина ясно сознавалъ оригинальность строя Славянскаго языка и потому невозможность полнаго приложенія къ нему грамматики Греческой. «Не бо равьне ся можетъ присно полагати, говоритъ онъ, еллинескъ языкъ въ нинъ прелагаемъ, и всякому языку, въ нинъ прелагаему, тоже бываетъ». Части рѣчи суть: имя, рѣчь (глаголъ), причастіе, мѣстоимене, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Чиселъ три (ед., мн., двойственное); падежей пять: правый (им.), родный (род.), виновный (винит.), дательный и звательный. Глаголы имѣютъ супружества (спряженія), видъ, залогъ, число, образы, времена. Лавровскій допускаетъ, что грамматика могла преподаваться, какъ практическое знаніе. Хмировъ идетъ дальше. Утверждая, что въ школахъ преподавалась грамматика, онъ пишетъ: «въ связи съ грамматикою преподавались, какъ видно изъ письменныхъ русскихъ памятниковъ XI—XII в. (?), діалектика, риторика и философія, при чемъ первая смѣшивалась съ послѣдней». Но памятники этого вовсе не доказываютъ. Отрывочныя свѣдѣнія изъ сихъ предметовъ въ «Изборникахъ» и «Пчелахъ» вовсе не могутъ служить доказательствомъ мысли Хмирова.

Преподавалось ли въ древнихъ училищахъ *счисленіе*, объ этомъ также нѣтъ свѣдѣній ни за, ни противъ. Лавровскій полагаетъ, что оно могло быть прометомъ обученія, «какъ сообщеніе практическаго умѣнья вести счетъ» [1]), но это мнѣніе остается только предположеніемъ. Обученіе счисленію, вѣроятно, въ видахъ церковныхъ потребностей [2]), въ Византійскихъ и Западныхъ школахъ даже предписывалось постановленіями соборовъ. Основываясь на трудѣ Кирика, «Ученіе, имже вѣдати человѣку число всѣхъ лѣтъ», Лавровскій приходитъ къ заключенію, что у насъ были своя нумерація, свои названія чиселъ, свои пріемы счисленія. У Кирика есть задачи до 10 милліоновъ. Такова, напр., задача «испытаніе часовное» (сколько отъ Адама прошло часовъ до 1136 года). Десять тысячъ обозначались словомъ *тма*, а что выше того, называлося *нетьдіи*, какъ бы числа, выходящія изъ предѣловъ обычнаго *отдѣлія* и употребленія [3]). Цифрами, конечно, служили буквы Славянской азбуки. Изъ ариѳметическихъ вычисленій Кирика видно, что ему были знакомы и обычныя ариѳметическія дѣствія. Онъ вычисляетъ индикты, круги солнечные и лунные, количество часовъ и недѣль отъ Адама до 1136 г., годы высокосные; есть задачи и на дробныя числа.

Но оставляя въ сомнѣніи обученіе счисленію въ древнихъ училищахъ, не можемъ не замѣтить, что нужда въ счисленіи, помимо церковной пасхаліи, вызывалась самою жизнью. Достаточно почитать «Русскую Правду» Ярослава, чтобы въ этомъ убѣдиться. Въ главахъ «о перевѣсѣхъ», «о закладаючихъ городъ» и др., все основано на счетѣ; собираніе даней, десятины, дѣленіе земель также требовало счета [4]); а если такъ, то школа могла удовлетворять и этому требованію.

Итакъ, курсъ ученія въ древне-Русскихъ училищахъ ограничивался *чтеніемъ*, *письмомъ* и *пѣніемъ*; это неоспоримо и не подлежитъ сомнѣнію; преподавались ли въ школѣ грамматика, счисленіе и другія знанія, для насъ это безразлично и твердыхъ свидѣтельствъ на это нѣтъ. Курсъ, по видимому, кратокъ и ограниченъ, но какіе благодатные плоды принесъ онъ древней Руси, ея просвѣщенію, ея внутреннему устроенію. Это кажущееся несоотвѣтствіе результатовъ съ причиною требуетъ нѣкотораго изъясненія.

Ключъ къ уразумѣнію этого историческаго явленія заключается прежде всего во взглядѣ нашихъ предковъ на книжное ученіе и чтеніе, о которомъ поэтому надлежитъ сказать обстоятельнѣе.

---

[1]) Лавровскій, стр. 180.

[2]) Потребности эти заключались въ опредѣленіи для минейныхъ праздниковъ (Рожд. Хр., Благовѣщенія), въ опредѣленіи дня праздниковъ цѣтной тріоди (Пасхи, Преполовенія, Вознесенія, Пятидесятницы), опредѣленіи періодовъ постовъ, въ пріуроченіи зачалъ евангельскихъ къ гласамъ недѣли и т. д. У насъ это опредѣленіе называлось ученіемъ «о круговъ обхожденіяхъ», потому что основывалось на солнечныхъ и лунныхъ кругахъ; вычисленія эти писались въ видѣ таблицы, съ изображеніемъ человѣческой руки, называвшейся Дамаскиной, и называлось «пасхаліей зрячей».

[3]) Позднѣе приняты были другія наименованія. Такъ въ одной ариѳметикѣ XVII в. находимъ такой счетъ: «начало великому числу сице: десятью десять то есть *сто*, десять сотъ есть *тысяща*, тысяща тысящъ то есть *тма*, а тма темъ то есть *легеонъ*, а легеонъ легеоновъ то есть *леодръ*, а леодръ леодровъ то есть воронъ, и больше сего числа нѣсть человѣческому уму разумѣти». Но въ одной рукописной прописи 1643 г. послѣ *ворона* употребляется еще *колода*.

[4]) Шестнадцать статей Русской Правды (XVII—XXIII) содержатъ въ себѣ оцѣнку разныхъ предметовъ, представляющую для современныхъ изслѣдователей не малую трудность въ пониманіи денежной системы того времени.

VIII. Взглядъ нашихъ предковъ на «книжное ученіе и чтеніе».

Наши предки высоко цѣнили грамотность и самому чтенію придавали важное значеніе. Грамотность была для нихъ «дверію, отверзаемою къ уразумѣнію божественнаго писанія», путемъ къ достиженію высшей мудрости, къ уразумѣнію божественныхъ таинъ, средствомъ къ самопознанію и совершенству духовному.

Откуда явился такой взглядъ?

Онъ представляетъ завѣщаніе великихъ и святыхъ Просвѣтителей Славянства. Мы находимъ его въ предисловіи къ переводу св. Евангелія св. Кирилломъ. Вотъ это величавое и полное глубокаго смысла святое завѣщаніе.

«Прогласъ св. Евангелія, какъ прорекли о немъ пророки: Христосъ грядетъ собрать языки, свѣтъ бо всему міру есть. Они сказали: слѣпые прозрятъ, глухіе услышатъ *слово буковное*, и Бога познаютъ, какъ должно. Итакъ, *услышите славяне всѣ*: даръ сей данъ отъ Бога... Внушите нынѣ отъ своего ума, *слышите славянскій народъ весь:* слово отъ Бога пришло,—слово, которое *питаетъ* души человѣческія: слово, которое *крѣпитъ сердца и умы;* слово, *уготовляющее* къ Богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой душѣ безсловесной, не видящей закона Божія... Душа *безбуковная* мертва является въ человѣкахъ». Такая возвышенная рѣчь могла относиться только къ высокому предмету. Св. Просвѣтитель предлагаетъ всему Славянскому народу *чтеніе*, но—чтеніе Слова Божія. Въ этомъ смыслѣ чтеніе, какъ и все «книжное ученіе» понималось и нашими предками. Этотъ взглядъ на грамотность усвоенъ былъ и всѣмъ Русскимъ православнымъ народомъ.

Въ древнѣйшемъ Изборникѣ Святославовѣ (1076 г.) мы находимъ такую похвалу грамотѣ и чтенію.

«Добро есть, братіе, *почитанье книжьное;* паче вьсякому хрьстьяну: блажени бо, рече, *испытающтии съвѣдѣния его*, вьсѣмь сердцьмь възиштють его; чьто бо рече: испытающтеи съвѣдѣния его. Егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти до другыя главизны, *нъ поразумѣи, чьто глаголють книгы* и словеса та, и *тришьды* обраштяяся о единои главизнѣ; рече бо: въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшу тебѣ. Не рече: усты тъчью изглаголаахъ, нъ и въ сьрдьци съкрыхъ, да не съгрѣшу тебѣ; и *поразумѣвая убо истиньнѣ писания, правимъ есть ими;* реку же: узда коневи правитель есть и въздьржание; *праведнику же книгы*. Не съставить бо ся корабль безъ *гвоздии*, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго: и яко же плѣньникомъ умъ стоить у родителъ своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь; красота воину оружие и кораблю вѣтрила, тако и правьднику почитание книжьное; открыи бо, рече, очи мои да разумѣю чюдеса отъ закона твоего; очи бо глаголетъ размыслъ сердечьныи, и прочее.

Не съкрыи отъ мене заповѣдии твоихъ, разумѣи, яко не отъ очию съкрыи, но отъ разума и сердьца. Тѣмь же и похули не поучающтаяся, глаголя: прокляти укланяюштеися отъ заповѣдии твоихъ; тѣмъ же и самъ ся похвали, глаголя: коль сладъка словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяштя злата и сребра, и въспѣтъ, глаголя: въздрадуюся азъ о словесьхъ твоихъ, яко обрѣтая користь мъногу; користь бо нарече словеса божія, глаголя: яко обрѣтохъ, недостоинъ сы, такъ даръ, еже ми ся поучяти словесьмъ твоимъ дьнь и ношть.

То мы, братия, *поразумѣимъ и послушаимъ разумьныма ушима и поразумѣимъ силу и поученіе святыхъ книгъ*. Послушай ты житья святааго василия и

святааго іоанна златоустаago и святаago кирила філософа и инѣхъ многъ святыихъ, како и ти съпьрва, повѣдають о нихъ рекуште, измлада прилежааху *святыихъ книгъ*, тоже и на добрая дѣла подвигнушася; вижь, како ти начатъкъ добрымъ дѣломъ поученіе святыихъ книгъ, да тѣми, братия, и сами подвигнѣмъ ся на путь жития ихъ и на дѣла ихъ, и *поучимся вьину книжьнымъ словесьмъ*, творяще волю ихъ якоже велять, *да и вѣчныя жизни достоини будемъ*, въ вѣкы аминь».

Здѣсь чтеніе является путемъ ко спасенію. Въ Пчелѣ (1199 г.), одномъ изъ древнихъ нашихъ сборниковъ, говорится: «*Умъ безъ книгъ, аки птица стъщена* (безъ крылъ). Якоже она взълетати не можетъ, такоже и умъ недомыслится съвершена разума безъ книгъ. *Свѣтъ дневной есть слово книжное*, его же лишився безумный, аки во тмѣ ходитъ и погибнетъ въ вѣки».

Кириллъ Туровскій убѣждаетъ: «того ради молю вы—*потщитеся прилежно почитати св. книги*, да ся Божіи наставивши словесъ, и будущаго вѣка неизрѣченныхъ благъ стяжете». Обращаясь къ духовному чину, къ просвѣтителямъ народа, онъ говоритъ: «Аще бо міра сего властители, ихже въ житейскихъ вещѣхъ труждаются, *прилежно требуютъ* книжнаго почитанія; колми паче намъ подобаетъ учитися въ нихъ, и всѣмъ сердцемъ взыскати свидѣнія словесъ Божіихъ о спасеніи душъ нашихъ писанныхъ». Въ лѣтописи пр. Нестора мы находимъ такую похвалу книгамъ и книжному ученію: «Велика бо бываетъ полза отъ ученья книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ. Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую полъзу душѣ своей; ихже бо книги часто чтетъ, то бесѣдуетъ съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческія бесѣды и евангельскія ученія и апостольская житія святыхъ отецъ, воспріемлетъ душа великую пользу» [1]).

Такая похвала могла относиться только къ книгамъ Св. Писанія и писаніямъ свято-отеческимъ, и вообще къ книгамъ церковнымъ, религіознымъ.

«Аще не вѣси чести, говорится въ одномъ древнемъ поученіи, прилѣпися идеже есть *слышати* и пользоватися. Пишетъ бо, аще видиши мужа разумична, *утренюй* къ нему и степенми двери да входитъ нога твоя» [2]). Народъ нашъ дѣйствительно и доселѣ любитъ не только читать, но и слушать «чтеніе божественнаго». И эта любовь преемственно переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ одномъ сборникѣ XV в. пишется: «якоже бо корабль безъ управляющаго вѣтромъ бурнымъ носимъ безвѣстно плаваніе творитъ и въ бѣдю пристанище приходитъ. Такоже и душа безъ почитанія книжнаго бурею помышленія злокозненнаго и волнами житія своего возмущаема, не можетъ постигнути пристанища». Митр. Даніилъ (XVI в.) говоритъ, что чтеніе «печаль изгоняетъ, и радость всаждаетъ, и злобу убиваетъ, и страсти истерзаетъ, и къ добродѣтели воздвизаетъ, и отъ земныхъ на небесная преселяетъ». Конечно, это можетъ совершать только чтеніе Слова жизни и благодати.

Эти позднѣйшія свидѣтельства говорятъ о томъ, какъ *крѣпко* установился на Руси взглядъ первыхъ просвѣтителей ея на чтеніе и книжное ученіе.

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 65 и слѣд.

[2]) Прав. Собес. 58 г., стр. 177.

Первыми книгами на Руси были книги Св. Писанія, особенно псалтирь, богослужебныя книги, писанія отеческія, житія святыхъ, сборники религіознаго содержанія; по нимъ учились грамотѣ и ихъ читали въ школѣ и дома, списывали, сохраняли какъ драгоцѣнность и передавали изъ рода въ родъ. Онѣ служили источниками духовнаго развитія и просвѣщенія нашихъ предковъ. «Книги св. Писанія, говоритъ одинъ изъ современныхъ ученыхъ, были силою умственно и нравственно возсоздающею и возрождающею древле-русскій народъ. Въ нихъ искали своего утѣшенія и укрѣпленія своей вѣры люди, принимавшіе христіанскую вѣру; по нимъ воспитывались люди, просвѣщенные крещеніемъ и преданные вѣрѣ; съ нихъ должны были начинать свое образованіе люди, желавшіе учиться грамотѣ. Самое высшее образованіе состояло также въ изученіи и знаніи книгъ Св. Писанія, книгъ церковно-богослужебныхъ и правоучительныхъ, вслѣдствіе чего въ устахъ современниковъ заслуживалъ особенную похвалу тотъ, кто изучалъ книги Св. Писанія и *зналъ ихъ напамять*. Самое служеніе книжному дѣлу—списываніе и распространеніе св. книгъ,—считалось дѣломъ богоугоднымъ, святымъ, приличнымъ монашескому служенію и достойнымъ занятіемъ каждаго человѣка, ревновавшаго о распространеніи и пользѣ просвѣщенія и образованія. Древніе сказатели съ особенною любовію останавливаются на разсказѣ о томъ, какъ князья, иноки и просвѣщенные іерархи трудились въ списываніи и дѣланіи книгъ» [1]).

Изъ такихъ источниковъ наши предки поучались знаніямъ, мудрости и благочестивой жизни; подъ ихъ вліяніемъ воспитывалась русская мысль и образовывался весь строй духовной жизни нашего народа. Вліяніе это было чрезвычайно сильно и благотворно. Подъ этимъ вліяніемъ воспитывались наши князья православные, начиная съ св. Владиміра; воспитывались великіе святители и подвижники земли русской, духовные отцы ея, славные писатели, духовный чинъ и свѣтскій, и весь народъ православный, ибо существовало глубокое единство ученія *школы и церкви;* на этой почвѣ развились и укрѣпились завѣтныя преданія старины нашей, первой школы нашей и просвѣщенія народнаго.

При такомъ взглядѣ на «книжное ученіе», на грамотность, кажущееся противорѣчіе между причиною и дѣйствіемъ исчезаетъ; курсъ нашей древней школы является вовсе не узкимъ, ограниченнымъ и недостаточнымъ, напротивъ является обширнымъ по объему, глубокимъ по содержанію, несравненнымъ по образовательной силѣ, а потому не только *просвѣтительнымъ*, но и *воспитательнымъ* въ высокой степени.

Этотъ взглядъ на книжное ученіе усвоилъ народъ нашъ и, принявъ отъ предковъ, сохранилъ его на всемъ протяженіи своей исторіи. Вотъ почему онъ и нынѣ такъ тяготѣетъ *къ церковно-приходской школѣ*. Онъ инстинктивно понимаетъ, что эта школа ведетъ его «царскимъ путемъ» къ истинному просвѣщенію.

Проф. Лешковъ такъ характеризуетъ значеніе древне-русской школы. «Ученіе, или умственное образованіе народа (въ древней Руси), говоритъ онъ, было въ рукахъ *духовенства*, въ рукахъ священниковъ и діаконовъ, слѣдов. распространялось по *приходамъ*, или общинамъ, было *общинное*. Мы начинаемъ наше ученіе, такъ сказать, по порядку училищъ, съ ученія въ *школахъ приходскихъ*. Это значеніе и положеніе древнѣйшихъ русскихъ школъ подтверждается даже въ Стоглавѣ. Но для мыслящаго христіанина приходская школа, учившая его *читать и писать*, могла

[1]) *Соликій*, Употр. и изученіе библіи въ Россіи. Пр. Обозр. 1869 г. Окт.

служить *основаніемъ и глубокой мудрости;* потому что онъ *читалъ* въ ней не Иліаду, не Одиссею, не вымыслы человѣческіе, какъ бы ни были они прекрасны, а *истинное ученіе* о сотвореніи міра,—о явленіи Промысла въ исторіи избраннаго народа древности,—объ искупленіи отъ грѣха всего человѣческаго рода самою Любовію. Потомъ читалъ онъ *проповѣди* и поученія св. отцевъ,—житія угодниковъ Божіихъ,—*дѣянія* своего народа,—сказанія своихъ паломниковъ и путешественниковъ. Высшія школы нужны были, для облегченія его труда; но и безъ нихъ, *при усиліи самомыслія,* христіанинъ *могъ образоваться до степени духовнаго витіи, до безсмертія народнаго лѣтописателя.* Сколько великаго могла совершить школа временъ Правды, это видимъ мы изъ исторіи перваго Русскаго митрополита Иларіона, изъ житія св. Печерскаго Ѳеодосія,—изъ дѣятельности перваго лѣтописца Нестора и другихъ лицъ» [1]).

Хомяковъ говоритъ, что «различіе между церковною и гражданскою письменностію заключается въ томъ, что первая *собираетъ умъ отъ окружности* къ центру, а вторая *разсѣеваетъ его отъ средоточія* къ окружности». Таково различіе и ученія церковнаго и гражданскаго. Первое сосредоточиваетъ, ведетъ въ глубь сознанія; второе—разсѣеваетъ, разбрасываетъ умъ человѣка и самое знаніе часто дѣлаетъ широкою, но мелкою лужею; первое ведетъ къ самопознанію, къ уразумѣнію «единаго на потребу», второе же,—сообщая знанія внѣшнія, разнородныя, только надмеваетъ умъ; первое охватываетъ внутреннее существо человѣка, возводитъ его къ высшему идеалу жизни, второе же дѣлаетъ человѣка только внѣшне образованнымъ; первое имѣетъ глубокую и незыблемую основу, второе такой основы не имѣетъ и потому является шаткимъ, непрочнымъ.

Наша древне-русская школа, руководимая церковію, была прочна, устойчива и шла прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ высшей цѣли духовнаго образованія народа.

IX. Воспитательный характеръ школы и идеалъ древне-русскаго воспитанія.

О *характерѣ обученія* въ древнихъ нашихъ училищахъ мало имѣется свидѣтельствъ. Извѣстіе Степенной книги о наставленіи м. Михаила учителямъ остается почти единственнымъ. Оно говоритъ о кротости и любви въ обученіи, и, какъ выше сказано, соотвѣтствовало патріархальнымъ нравамъ и особымъ условіямъ учрежденія школъ своего времени. Обращеніе къ «жезлу», къ суровой дисциплинѣ, принадлежитъ послѣдующему времени; въ памятникахъ же съ извѣстіями о первыхъ нашихъ школахъ мы не находимъ ничего такого, что бы опровергало наставленіе м. Михаила, а обращеніе съ дѣтьми Леонтія, еп. Ростовскаго, служитъ подтвержденіемъ его.

Но для насъ важнѣе всего *воспитательный* характеръ обученія, который несомнѣнно принадлежалъ нашимъ древнимъ училищамъ, которыя не были только *учебищами,* но прилагали заботу о христіанскомъ воспитаніи сердца учащихся. Главною цѣлію училища была не грамота, не книжность, но просвѣщеніе учащихся свѣтомъ ученія Христова, воспитаніе любви къ церкви православной, послушаніе ея заповѣдямъ, добрая жизнь по вѣрѣ; грамотность же служила только *средствомъ* для этой цѣли.

---

[1]) *Лешковъ,* стр. 208.

Объ этомъ воспитательномъ характерѣ ученія говорятъ всѣ свидѣтельства объ устроеніи училищъ; за него ручается самое учрежденіе ихъ при церквахъ, подъ руководствомъ духовенства; о немъ говорятъ самые предметы ученія; на него указываютъ и послѣдующія извѣстія о школахъ. Такъ отцы Стоглава заповѣдуютъ, чтобы священники въ школахъ «учили учениковъ своихъ страху Божію», «наипаче же берегли и хранили ихъ во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ растлѣнія». М. Михаилъ повелѣваетъ учить не только «словесемъ книжнаго ученія», но «*благонравію, правдѣ и любви,* и началу премудрости, *страху Божію, чистотѣ* и *смиренномудрію*», «прилагати имъ *ученіе отъ закона Господня* на пользу души же и тѣлу». Эти неоцѣненныя черты нравственнаго воспитанія, составляющія высшее достоинство нашей церковной школы, и объясняютъ ея глубокое вліяніе на воспитаніе русскаго народа, ея силу, крѣпость, живучесть и любовь къ ней самого народа, сохранившуюся до нашихъ дней; только изъ такой школы и могли выходить великіе свѣтильники церкви нашей, подвижники и просвѣтители русской земли.

Какой же *идеалъ воспитанія* завѣщала намъ древне-русская школа?

Мы находимъ этотъ идеалъ въ древнѣйшихъ поученіяхъ пастырей, въ лѣтописяхъ и завѣщаніяхъ.

Это идеалъ христіанскій-евангельскій, проникнутый любовію, правдою, вѣрностію, преданностію волѣ Божіей, смиреніемъ, любовью къ отечеству.

Прежде всего всѣ учители наши говорятъ *о крѣпкой вѣрѣ православной.* «Се братія, пишетъ Лука Жидята, *первѣе всего* сію заповѣдь извѣстно должни есмы вси крьстіане держати: вѣровати во единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже научили апостоли, святіи Отцы утвердиша: Вѣрую въ единаго Бога—до конца. Вѣруйте же ми крѣсенію (воскресенію), и жизни вѣчнѣй, и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй». Въ словѣ изъ «Златой цѣпи» пишется: «Чада моя милая! *Первое* имѣйте вѣру праву.., потомъ же и *съ послушании Св. Апостолъ и Св. Отецъ*». «Кто послушаетъ правила святыихъ отець и поживеть лѣта своя, творя волю Божію, говоритъ Ѳеодосій, житель будетъ вѣчныя жизни».

Замѣчательно, что это послушаніе церкви распространялось и на домашнюю молитву. Въ уставѣ, «како иноком жити», говорится: «Вся же сія (чтеніе псалтири, молитву) твори съ совѣтомъ игумена твоего и отца духовнаго, *безъ тихъ же совѣтовъ ничто же дѣлай духовнаго дѣла, да не отлучишися отъ церкви никакоже*». «Не буди лживъ, писалъ Симонъ Владимірскій Поликарпу Печерскому, вины ради дѣла коего *собора церковнаго* (собранія въ церкви, общей молитвы въ храмѣ) *не отлучайся.* Ибо яко дождь растить семи, тако и церковь влечетъ душу на добродѣтель. Елико бо творяши въ келіи, аще псалтирь чтеши, или обанадесять псалмы поеши, все то *не единому Господи помилуй уподобится соборному*». Такимъ образомъ обильное и усердное молитвословіе домашнее не можетъ никакъ сравниваться съ церковнымъ: одно возглашаемое соборно въ церкви *Господи помилуй* выше всякаго домашняго молитвословія [1]). Здѣсь древность производитъ обличеніе самочинныхъ молитвенныхъ сборищамъ сектантовъ нашего времени.

Древнее воспитаніе наше было чуждо индиферентизма. Имѣя правую вѣру, надо ее защищать, ковоѣдывать. «Если кто тебѣ скажетъ, говоритъ Ѳеодосій,— ту и другую вѣру далъ Богъ, ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь

[1]) *А. Ванчаковъ,* Псалтирь съ толкованіемъ. 1894 г. стр. 70. Тамъ же собранъ обильный матеріалъ свидѣтельствъ объ употребленіи псалтири въ домашнемъ быту нашихъ предковъ.

ли, что написано: Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе? И не сказалъ ли Ап. Павелъ: аще и ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ» [1]).

Особенно заповѣдывали предки наши *читать слово Божіе*, то Слово жизни, которое, по выраженію св. Кирилла, «питаетъ души человѣческія, которое крѣпитъ сердца и умы, слово уготовляющее къ богопознанію». Этимъ завѣтомъ полны всѣ древнія наши поученія. Св. Кириллъ Туровскій пишетъ: «Скажите мнѣ, братія, если при восходѣ солнца станетъ кто-либо закрывать свои глаза, съ нежеланіемъ увидѣть свѣтъ и будетъ говорить: «лучьши есть тма свѣта», одобрите вы его, или же осудите? Тоже и *слово ученія*. Свѣтъ бо слово Божіе въ писаніи наречеться и тъ есть болій видимаго сего свѣта: се бо плътьскѣи очи просвѣщаетъ, а онъ душевнѣи». Предки наши не только изучали св. Писаніе, но и *толкованія*, и отеческія писанія, о чемъ свидѣтельствуетъ литература того времени. Псалтирь изучалась въ школахъ *наизусть*. Нѣкоторые же знали и другія книги. О Никитѣ затворникѣ (XI в.) Поликарпъ пишетъ: «не можаше никто стязатися съ нимъ книгамъ ветхаго завѣта: весь бо *изъ устъ* умѣаше—Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, Судіи, Царство и вся пророчества по чину и вся книги жидовскія». Въ посланіи Симона къ Поликарпу говорится: «вѣси ли, брате, яко благодатію Божіею могу *отъ всѣхъ книгъ* сказати тебѣ полезная» [2]).

Въ основаніи нравственнаго воспитанія полагался *страхъ Божій*. «Се же *вы конецъ* всему, страхъ Божій имѣйте выше всего», заповѣдывалъ Мономахъ своимъ дѣтямъ. Этотъ страхъ есть страхъ любви, въ немъ нѣтъ устрашенія,—онъ лучшій охранитель человѣка на жизненномъ пути. «*Первое* Бога дѣля и души своея, страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ». Итакъ, страхъ Божій есть начало и конецъ воспитанія.

Одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія составляло развитіе въ дѣтяхъ *духа церковности*, любви къ *богослуженію*, навыка въ исполненіи *заповѣдей* церковныхъ. «Не лѣнитеся *къ церкви ходити*,—учитъ Лука Жидята,—на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ своеи клѣти хотя спати, Богу поклонився, толико на постели лязи. *Въ церкви* предстоите со страхомъ Божіимъ: не молви рѣчи, но ни мысли, но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грѣхы».

Примѣромъ такого воспитанія является Св. Ософосій, «иже влекъмь на любъвь божію, и хождаше *по вся дни* въ цьрковь божію, послушая божественныхъ книгъ съ всѣмь вниманиемъ» (Несторъ). «Васъ приходящихъ (въ храмъ) хвалю и благословляю, говоритъ Св. Кириллъ Туровскій,—кождо же васъ молю вы, приходящихъ сдѣ,—аще сусѣда имате, или родичи, или жену, или дѣти, то *позывайте къ церкви вся*, и поучитеся душеполезнымъ словесемъ». Пр. Ософосій убѣждаетъ: «Молю вы, братіе, *съ страхомъ и любовію другъ другу стояти на молитвѣ*, и *вонстину молящеся*, речемъ: «да ся исправить молитва моя, яко кадило предъ тобою, въздѣяніе руку моею, жертва вечернія». Да еще рукѣ твои ничто же имата грабленія: добрѣ то глаголеши, рька: «въздѣяніе руку моею». Оглядай убо рукѣ си и испытай о нею, да аще ничто же имата грабленія и нечистаго рѣзоимянья (лихоимства)». Краснорѣчиво говоритъ Мономахъ о дняхъ поста и покаянія: «Восіяетъ *весна постная*, и *цвѣтъ покаянья:* очистимъ собе, братья, отъ всякоя крови плотьскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще рцѣмь: слава тобе, человѣколюбче!»

[1]) Приводимыя въ переводѣ мѣста изложены по переводу арх. Филарета и Погодина.

[2]) Патер. печ., стр. 194 на обор.

Говоря о соблюденіи *постовъ*, Ѳеодосій особенно заповѣдуетъ хранить св. Четыредесятницу: «се бо есть десятина, даемая отъ тѣла Богу, въ няже дни очистившися душа, празднуетъ свѣтло на воскресенье Господне, веселящееся о Бозѣ. Постное бо время очищаетъ умъ человѣку». М. Никифоръ съ истиннымъ краснорѣчіемъ пишетъ о постѣ цѣлое посланіе (Мономаху) [1]). Особенно заповѣдывалась *любовь къ монастырямъ,—къ церкви* Божіей и къ *чину церковному*. «*Поминайта монастыря,* пишетъ Ксенофонтъ дѣтямъ въ завѣщаніи, чьрноризьцѣ стыдитася и чьтета и милосердьдупа».—«*Чтите отъ всего сердца іерея Божія,* чтите *и слугы церковныя*», пишетъ Лука Жидята. Вмѣстѣ съ тѣмъ заповѣдывалось исполнять *дѣла милости* тѣлесной и духовной, особенно заботиться о больныхъ, нищихъ, убогихъ, сиротахъ. «Всего паче, пишетъ Мономахъ, *убогыхъ не забывайте,* но елико могуще, по силѣ кормите, и вдовицю оправдите сами».—«И милостыню творя нескудну, то бо есть начатокъ всякому добру». Лука Ж. пишетъ: «Помните и *милуйте странныя, и убогыя,* и гладныя, и темничны, и своимъ сиротамъ милостиви будете». «Болного присѣтите; *надъ мертвеца идите,* яко вси мертвени есмы; и человѣка не миньте не привѣчавше, добро слово ему дадите» (Мономахъ). *Почитаніе родителей и старшихъ* считалось важнѣйшимъ долгомъ дѣтей. «*Чтите стара человѣка и родителя своя*», говоритъ Лука Ж. И Мономахъ: «старыя чти яко отца, а молодыя яко братью». Дѣтямъ старались внушать *смиреніе* и *кротость:* «*Будете смирени и кротци,* да и послуж(ш)ници будете и творци Божіимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо сердци діаволъ сидить, и Божіе слово не хощеть прилнути ему». Всѣ эти качества христіанскія совпадали съ природными нравственными качествами нашихъ предковъ, которые извѣстны были привѣтливостью, гостепріимствомъ, заботами о бѣдныхъ, недужныхъ, и вообще представляли народъ миролюбивый, добрый, участливый.

Предки наши старались воспитать въ дѣтяхъ любовь къ *правдѣ, искренность, честность* въ житейскихъ отношеніяхъ, *миролюбіе, вѣрность слову.* Лука Жидята пишетъ: «Любовь имѣите *со всякымъ человѣкомъ,* а болѣ съ братіею, и *не буди ино на сердцѣ, а ино въ устѣхъ;* но подъ братомъ ямы не рый, да тебе Богъ въ горшая тоя не вринетъ. Но *буди правдивъ*... претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не въздайте зла за зло».—«Не мози *свадити,* да не нареченися сынъ діаволу; но смиряй, да будеши сынъ Богу». «Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслію, поминая своя грѣхы, да тебе Богъ не осудить». «Другъ друга похвали, да и Богъ вы похвалить».—Мономахъ даетъ такія правила благовоспитанности: «при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными (равными) и меньшіими любовь имѣти, безъ лукы бесѣдующе, а много разумѣти; не свѣрѣповати словесы». «Лжѣ блюдитеся»... «Куда же пойдете, идѣже станете, напойте, накормите унепна; и *боль же чтите гость,* откуду же къ вамъ придеть, «или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромь, брашномь и питьемь; ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымь, любо злымь».

«Цѣлуйте (крестъ въ присягѣ или клятвѣ) и *цѣловавше блюдите,* да не преступна погубите душѣ свое». Глубокая *вѣра въ Провидѣніе* научала предковъ нашихъ терпѣливо переносить скорби, испытанія, въ сознаніи, что причиною всѣхъ

[1]) Строгое соблюденіе постовъ почиталось очень важнымъ, и когда возникъ вопросъ, какъ соблюдать посты въ сроку и [illegible], если на эти дни придется великій праздникъ, то русскіе іерархи собрали даже соборъ (1168 г.), а еп. Черниговскій Антоній пострадалъ отъ князя за свою строгость въ этомъ отношеніи.

золъ наша грѣховность, что только молитвою, покаяніемъ, исправленіемъ можно отвратить гнѣвъ Божій. Это коренное воззрѣніе народа передавалось воспитаніемъ,—оно высказывается въ нашихъ лѣтописяхъ, передается въ поученіяхъ, въ завѣщаніяхъ.

«Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казнь каку либо, или поганыя, зане не въстягнемся къ Богу; а усобная рать бываетъ отъ съблажненія діаволя и отъ злыихъ человѣкъ. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага...—Страхъ убо согрѣшившимъ коей любо, казнитъ Богъ смертью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыихъ, или бездождіемъ, и инѣми различными казньми. Аще ли покаявшеся будемъ въ немъ же ны Богъ велитъ быти,—глаголетъ бо намъ пророкомъ: обратитеся ко мнѣ вьсѣмь сердцемъ вашимь, постомь и плачемь (Іоил. 2, 12)» (Св. Ѳеодосій).

«Въ напасти терпи, говоритъ Лука Жидята, на Бога упованіе имѣя».

Этотъ взглядъ не велъ къ унынію и отчаянію, напротивъ, спасалъ отъ нихъ, вливалъ бодрость и вѣру въ душу при испытаніяхъ. Мономахъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, *како вы Богъ подастъ*, оже бо язъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадаяся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, *понеже не будетъ отъ Бога повелѣно;* а иже будетъ смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отъяти, но отче добро есть блюсти, *Божіе блюденье лѣпшее есть человѣческаго*».

«Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощетъ, въ мгновеньи ока вся створити хощетъ, то самъ претерпѣ хуленье и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы человѣци грѣшніи? ли си день живи, а утро мертви, день въ славѣ и въ чти, а заутра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлять. *Зри, брате, отца наю:* что взяста, или чимь има по ротѣ? но токмо оже еста створила души».

Прежде всего заботься о душѣ своей; но трудись съ вѣрой, что Богъ охранитъ тебя. Не будь трусомъ, который всего боится: жизнь наша въ рукахъ Божіихъ,—Господь есть Владыка жизни и смерти.

Любовь къ труду, презрѣніе къ лѣности также составляли черты добраго воспитанія. «Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить: добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели» (Мономахъ).

Преподобный Ѳеодосій завѣщаетъ «*бодру быти* на пѣнье церковное, и на преданья отечьская и почитанья книжная».

Мономахъ завѣщаетъ дѣтямъ: «Аще забываете всего, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ безъ сорома, и вамъ будетъ добро. *Его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите:* яко же отець мой дома сѣдя изумѣяше пять языкъ: въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земль».

Такому правилу слѣдовалъ Даніилъ Заточникъ, который говоритъ о себѣ: «Азъ бо, княже господине, ни за море ходихъ, ни отъ философъ научихся, но быхъ яко пчела падая по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя медведный сотъ; тако и азъ по многымъ книгамъ избирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскыя, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла».

Жажда знанія у нашихъ предковъ была велика и она удовлетворялась изъ чистыхъ источниковъ.

Въ посланіи м. Никифора (1104—1121) В. Мономаху мы находимъ *психологическое ученіе* о воспитаніи. Авторъ говоритъ о способностяхъ души—разумѣ,

чувствѣ и волѣ, и затѣмъ — о правильной дѣятельности *пяти чувствъ*—«пяти слугъ души». *Разумомъ* мы отличаемся отъ животныхъ: «имъ мы познаемъ небо и прочіи творенія; имъ, при правильномъ его употребленіи, восходимъ къ разумѣнію самого Бога». Неправильное употребленіе разума ведетъ къ паденію, примѣръ—денница-ангелъ.

«*Чувство* выражается въ ревности по Богѣ и въ непріязни къ врагамъ Божіимъ». Неправильное употребленіе его обнаруживается злобою, завистью, своекорыстіемъ. (Приводятся примѣры изъ исторіи).

Воля выражается въ стремленіи къ Богу. «При добромъ употребленіи ея, человѣкъ имѣетъ постоянное желаніе къ Богу, забывая о всемъ прочемъ; ждетъ просвѣщенія отъ Него; наслаждается веселіемъ въ самыхъ злыхъ страданіяхъ ради Бога». Душа въ тѣлѣ—какъ свѣтлое око, она «наполняетъ своею силою все тѣло». Слуги души внѣшнія чувства должны быть здоровы, чисты и дѣйствовать правильно, иначе они могутъ вводить въ заблужденіе душу [1]). По взгляду Никифора, совокупность дѣятельности душевныхъ силъ должна приводить человѣка къ Богу, къ правдѣ, къ высшей духовной жизни. Такой педагогическій взглядъ на душевную дѣятельность человѣка сдѣлалъ бы честь и нашему времени.

О внутреннемъ самоограниченіи и самоуправленіи Мономахъ въ поученіи къ дѣтямъ своимъ пишетъ: «Научися, вѣрный человѣче, быти благочестной дѣлатель! научися по евангельскому словеси, *очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ* имѣти, *понужаяся* на добрая дѣла Господа ради: лишаемъ не мьсти, ненавидимъ, любо гонимъ—терпи, хулимъ—моли».

Для полной характеристики идеала древне-русскаго воспитанія слѣдуетъ еще сказать, что оно было *высоко-патріотическимъ*. Русская земля являлась общею отчизною для всѣхъ сыновъ ея. Св. вѣра, языкъ, преданія, бытъ все было общимъ для Руси. Вѣрность князю было вѣрностью народу [2]). «Бога ся бойте, говоритъ Лука Ж., князя чтите: раби—первѣе Богу, таже Господу». Патріотическій характеръ древняго воспитанія особенно ярко обнаруживается на нашихъ князьяхъ, не смотря на то, что Русь переживала удѣльное время, когда интересы князей сталкивались. «Русская земля, замѣчаетъ Погодинъ, была безпрестанно на устахъ у князей, у духовенства, у лѣтописателей». Благородныя мысли и чувства обнаруживались преимущественно при мысли *о всей Русской землѣ*, которой единство князья всегда сознавали, не смотря на свои междоусобія, чѣмъ доказывается развитіе въ нихъ гражданскаго чувства, любви къ отечеству [3]).

Св. Борисъ и Глѣбъ объявляются вездѣ «заступниками *земли* Русской». Мономахъ предлагаетъ разсужденіе, «како быхомъ промыслили *о Русской землѣ*». Василько желалъ сложить голову *за Русскую землю*. Въ 1097 г. князья собрались въ

---

[1]) Никифоръ собственно имѣлъ въ виду неправильность *слуха* княжескаго. Князь самъ все не можетъ видѣть, служащіе же ему орудіями иногда представляютъ ему донесенія невѣрныя, ко вреду управленія.

[2]) Въ словѣ изъ «Златой цѣпи» (Филаретъ приписываетъ его м. Кириллу) говорится: «князю земли вашей покаряйтеся; не рцѣте ему зла въ серци своемъ и пріяйте ему головою своею, и мечемъ своимъ, и всею мыслію своею, и не возмогутъ противитися князю вашему. Аще добрѣ пріясте князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша, и плодъ добръ объемлете». Авторъ сравниваетъ невѣрность князю съ измѣною жены мужу, называетъ ее дѣломъ Іуды.

[3]) *Погодинъ*, Др. Р. Ист. II, стр. 743.

Любечъ на совѣтъ: «почто губимъ *русскую землю*, сами на ся котору (вражду) дѣюще... *Блюдемъ Русскыя земли*». Митрополитъ, увѣщая Мономаха оставить осаду Кіева, говорилъ: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣтѣ погубить *Русскіѣ земли*». «Се слышавъ Володимеръ, росплакався и рече: поистинѣ *отцы наши и дѣды наши соблюли землю Русскую*, а мы хочемъ погубити»... Лѣтописецъ называетъ Мономаха «*страдальцемъ за Русскую землю*».—«Мы вѣдаемъ милосердіе Ярославче, говорили Черниговцы своему кн. Всеволоду Ольг., тъ бо *соблюдаетъ землю Русскую*». В. Кн. Изяславъ Мстиславовичъ на войнѣ въ Галичѣ (1152) говоритъ: «Братья и дружино! Богъ всегда *Русскія земли* и *Русскихъ сыновъ* въ безчестьѣ не положилъ есть: на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть». Тотъ же князь зоветъ (1169 г.) другихъ князей на Половцевъ. Князья отвѣчали: «Богъ ти, брате, помозп... а намъ дай Богъ *за крестьяны и за Русскую землю* головы своя сложити, и къ мученикамъ причтенными быти». Онъ же соглашался на миръ (1148 г.) «*Русскія дѣля земли* и *крестьянъ дѣля*». Смерть за отечество считалась славною смертью, исполненіемъ долга предъ родною землею. «Лучше есть *на своей землѣ* костью лечи, нели на чюжѣ славну быти» (Волын. Лѣт.).

Въ такомъ духѣ крѣпкой любви къ отечеству, до готовности умереть за него, воспитывала наша древняя школа молодое поколѣніе.

Трогательнымъ выраженіемъ крѣпкаго единства *всей Русской земли*, въ сознаніи ея сыновъ, является разсказъ игумена Даніила о томъ, какъ онъ просилъ Іерусалимскаго князя Балдуина о позволеніи повѣсить лампаду *за всю Русскую землю*.

«Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога ради и князей дѣлма Рускыхъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити *кандило свое* надъ Гробомъ Господнимъ *за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя земля*».

Разрѣшеніе было дано, и простой, невѣдомый монахъ, на далекой чужбинѣ, руководимый и побуждаемый единственно трогательнымъ національнымъ и религіознымъ чувствомъ, повѣсилъ свою скромную «стеклянную» лампаду у Св. Гроба Господня «за всю Русскую землю». Сколько величія въ этой простотѣ, и какъ безцѣнна эта простенькая лампада Русскаго человѣка, поставленная съ моленіемъ за весь народъ Русскій; какъ свята, крѣпка и жива эта благодатная связь народа вѣры! И куда ни приходилъ Даніилъ, какой святынѣ ни поклонялся, вездѣ первымъ движеніемъ души старца была молитва «за Русскую землю», за народъ православный, и дѣлаетъ онъ это великое дѣло въ смиреніи, какъ святой долгъ. «Богъ тому послухъ и святый Гробъ Господень. Въ всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ *не забывахъ* именъ князь Рускыихъ, и княгынь ихъ, и дѣтій ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтій монихъ духовныхъ, *ни всѣхъ христіанъ николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ*. О семъ похвалю преблагаго Бога моего, яко сподоби мя *написати* имена Рускыихъ князь въ Лаврѣ у св. Савы, и нынѣ поминаются въ октеніихъ.--(имена ихъ);—толико бо есмь поминалъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же *о всѣхъ Рускыхъ князей и о боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Рускыя земля*».

Таковъ идеалъ древняго Русскаго воспитанія и таковы его благодатные плоды. Наши *лѣтописи*, простыя, безпристрастныя, правдивыя, полны любви къ отечеству, благочестивой вѣры въ охрану его Промысломъ, «за молитвъ святыя Богородица» и угодниковъ Божіихъ. Это *живая школа для развитія національнаго чувства*.

любви къ отечеству, вѣры въ его великое будущее, подъ покровомъ небеснаго Промысла.

Замѣчательно, что въ завѣщаніяхъ дѣтямъ, отцы, давая имъ добрые совѣты, прямо говорятъ, чтобы дѣти слѣдовали *примѣру* ихъ—родителей. Значитъ, у родителей слово съ дѣломъ не расходилось; родители жили такъ, какъ вѣровали, и давали дѣтямъ примѣръ доброй жизни. Какъ высока школа, изъ которой выходили такіе отцы! Можетъ ли школа нашего времени похвалиться такимъ воспитаніемъ?

Въ такъ-называемомъ поученіи дѣтямъ Ксенофонта, «еже глагола къ сыпома своима», пишется: «Азъ чадѣ реку вама человѣчя житія отити хощу: *вѣста бо*, како въ житіи семъ жихъ безлукы, како отъ всѣхъ чьстьнъ бѣхъ и любимъ, не сана ради велика, нъ по ровъмь великъмъ: не укорихъ никого же, не вередихъ, и никогоже не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже... не оставихъ церкве божія, вечеръ, ни заутра, ни полудне: не прѣзьрѣхъ нищихъ, ни оставихъ страньна и печальна не прѣзьрѣхъ никогда же.. *тако и вы живета* чадѣ мои, да и ваю Богъ ублажить и длъголѣтьна явить и сътворить». Въ заключеніе завѣщанія Ксенофонтъ еще разъ говоритъ: «съ проста (искренно) реку, *еже мя видѣста творяшта, и вы творита*».

Такимъ образомъ *основою* воспитательнаго идеала древней православной Руси былъ законъ Евангельскій. Идеалы ветхозавѣтные,—воспитаніе жезломъ, розгою, суровостью,—явились *позже*. Мы не имѣемъ ни одного памятника первой эпохи нашихъ училищъ, который бы говорилъ иное; а приведенныя свидѣтельства рисуютъ намъ идеалъ воспитанія въ духѣ любви. Что наши предки хорошо разумѣли величіе *закона благодати* предъ закономъ Моисея, объ этомъ свидѣтельствуетъ слово митрополита Кіевскаго Иларіона: «О законѣ Моусеомъ данѣемъ, и о благодати и истинѣ, І. Хр. бывшіихъ, и како *законъ отгиде, благодать же и истина всю землю исполни*» и пр. «И что успѣ законъ? Что ли благодать? Прежде законъ, потомъ благодать; прежде стѣнь ти, потомъ истина», говоритъ Иларіонъ. Кто обладаетъ истиною, тому тѣнь не нужна. И нынѣ «вси, ветхая отложше,—новая держать, по пророчеству Исаину: ветхая мимондоша, и новая вамъ возвѣщаю. Пойте Богу пѣснь нову»... Эта «новая пѣснь» возвѣщалась въ церкви, звучала въ школѣ, проходила въ жизнь и возвышала ее въ лучшихъ представителяхъ народа, до высокаго христіанскаго идеала [1]).

X. Значеніе церковно-приходской школы для древней Руси и плоды ея для образованія Русскаго народа.

Церковно-приходская школа есть неоцѣненный даръ провидѣнія для православной Руси. Чуднымъ образомъ Господь просвѣтилъ Русскую землю свѣтомъ ученія Своего, устроилъ Свою святую церковь въ ней; чуднымъ образомъ, подъ сѣнію и руководствомъ этой церкви, Русь вступила на путь образованія. Школа

---

[1]) Могутъ сказать, что жизнь народа въ эту эпоху представляла не мало темныхъ сторонъ, съ которыми и боролись наши пастыри; каковы—двоевѣріе, суевѣріе, нравственные пороки. Все это такъ. Но мы изображаемъ не жизнь въ ея отрицательныхъ явленіяхъ, а *идеалъ воспитанія*, начертанный въ литературной письменности той эпохи и возвѣщавшійся съ каѳедры церковной и въ училищахъ того времени. *Осуществленіе* этого идеала предки наши видѣли въ жизни древнихъ святителей, подвижниковъ и лучшихъ людей своего времени. Идеалъ воспитанія показываетъ, къ чему стремились наши предки въ образованіи юношества, какихъ цѣлей желали достигнуть въ книжномъ ученіи и въ жизни.

церковная сразу и повсемѣстно охватила всю Русь. Народъ принялъ ее съ расположеніемъ, съ довѣріемъ и любовію; школа оправдала это довѣріе и глубоко вошла въ народную жизнь, какъ живой и неизъемлемый ея элементъ. Девять вѣковъ прошло въ смѣнѣ временъ надъ Россіей, но два учрежденія сохранились въ ней незыблемо: церковь и ея дитя—школа церковно-приходская. Эта школа живуча и крѣпка своею связью съ церковію, своими преданіями, любовью народа православнаго. Развѣ это не удивительное явленіе въ нашей исторіи! Незыблемость церкви понятна—она есть учрежденіе Господа Спасающаго, она вѣчна, и «врата адовы» не сокрушатъ ее; но школа—дѣло рукъ человѣческихъ. И какія бури и невзгоды переживала эта школы: и татарское иго, и польское нашествіе, и стремленіе властителей измѣнить ее по западно-европейскому образцу, и въ наши дни—попытки замѣнить ее другою «новою» школой, богатой матеріальными средствами, живущей инымъ духомъ; а она, эта бѣдная, скудная, скромная школа, жива и не только жива, но и охватываетъ всю Русь православную, вновь воскресаетъ, ростетъ и, хранимая церковію, поддерживаемая Государемъ и народомъ, вновь занимаетъ свое высокое просвѣтительное положеніе...

Мы видимъ и знаемъ, что̀ выносилъ народъ Русскій изъ этой школы съ первыхъ поръ ея возникновенія.

Онъ выносилъ изъ ней *грамотность, любовь къ церкви* православной, *вѣрность государю и отечеству*, здоровый, правильный *взглядъ* на жизнь и ея задачи, христіанскія понятія *о правдѣ, о любви, о послушаніи церкви, о долгѣ, о совѣсти, о высшемъ призваніи человѣка*. Люди же высокихъ талантовъ и дарованій, посвящая себя и по выходѣ изъ такой школы чтенію св. Писанія и отеческихъ писаній, удовлетворяя свою любознательность, жажду ученія, достигали высокой степени образованія, о чемъ свидѣтельствуетъ письменность этой эпохи.

Выше было сказано (см. введеніе) о благопріятныхъ историческихъ условіяхъ для начала нашего древняго образованія. Къ сказанному присоединимъ еще нѣсколько замѣчаній. *Связь съ Греціей и Болгаріей* была весьма благопріятна для нашего образованія. Византія обладала богатыми сокровищами духовной литературы, которыя привлекали вниманіе и любознательность русскихъ. Митрополиты, пріѣхавшіе изъ Греціи, были люди ученые, просвѣтительные, они привозили съ собою книги, имѣли переводчиковъ [1]) и дѣятельно заботились объ устроеніи школъ, объ образованіи паствы.

Правда, творческій духъ Грековъ въ это время ослабѣлъ; Византійское образованіе этой эпохи не имѣло уже внутренней свѣжести, силы и жизненности, оно замкнулось въ сухія отвлеченныя формы. «Утонченная діалектика вмѣсто богословія, искуственныя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго краснорѣчія,—вотъ что составляло предметъ ученыхъ занятій Византійскихъ Грековъ этой эпохи» [2]). Но во первыхъ, церковь и тогда не оскудѣла жизнью; а во вторыхъ, она была хранительницею неумирающихъ, вѣчно живыхъ произведеній отеческихъ и преданій церкви вселенской, соборной, апостольской. Наконецъ, особенность славянской натуры спасала ее отъ сухой схоластики, изысканной діалектики и отвлеченныхъ умозрѣній. Народъ Русскій, полный жизненныхъ силъ, свѣжій, юный,

---

[1]) Краснорѣчивый м. Никифоръ не зналъ Русскаго языка и бесѣдовалъ съ паствою черезъ переводчиковъ. Въ словѣ въ нед. Сыропустную онъ говоритъ: «Не далъ мнѣ даръ языковъ.., отъ того стою я посредѣ васъ безгласенъ и безмолвенъ».

[2]) *Лавровскій.*

искренно и правдиво увѣровавшій, всей душей отдался святой вѣрѣ, искалъ въ ней жизни и находилъ ее, и усвоялъ то изъ Византійской образованности, къ чему стремилась душа его. Запасъ же сокровищъ церкви Греческой былъ такъ великъ, что вполнѣ могъ удовлетворять пробудившейся въ Русскомъ народѣ жаждѣ просвѣщенія. И онъ пользовался ими не скудно, а съ избыткомъ. При іерархическомъ союзѣ Русской церкви съ Константинопольскою, постоянно поддерживалось живое и дѣятельное общеніе между ними. Богатая письменность отцевъ церкви Греческой была живымъ источникомъ, высшимъ образцомъ и неистощимымъ матеріаломъ для только что возникавшей письменности Русской. «Усвоеніе нашею церковью богослужебныхъ книгъ и твореній св. отцевъ и учителей греческой церкви, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, было не внѣшнее только, въ переводахъ, но проникало въ самую жизнь, въ самый духъ ученія и просвѣщенія Русской церкви, а за нею—(чрезъ школу)—и *всего народа*. Они были источникомъ и первообразомъ ученія и твореній русскихъ учителей и писателей».

Предки наши обладали яснымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, крѣпкою волею; они были люди дѣла, труда и подвига, люди жизни, а потому вѣчно живыя, неоцѣненныя сокровища они взяли и усвоили, а блестящую мишуру Византійской схоластики они отринули, какъ пчела, собирающая только медъ изъ цвѣтовъ.

О значеніи болгарской школы и литературы для нашего просвѣщенія было уже сказано.

Провидѣніе устроило такъ, что Русь православная восприняла св. Церковь, ея ученіе, преданія и великія сокровища ея отцевъ и учителей, отъ *Византіи* въ то время, когда ей уже готовилось *паденіе;* восприняла Русь и святыню завѣтовъ Кирилла и Меѳодія и плоды церковной образованности и письменности *Болгаріи,* когда этой послѣдней готовился *разгромъ* и уничтоженіе свободной политической жизни. И Русь явилась *достойною наслѣдницею обѣихъ:* она усвоила, свято сохранила и соблюла завѣщанные ей Провидѣніемъ дары; но получивъ отъ Бога такіе «таланты», она и пріумножила ихъ въ мѣру силъ своихъ и дарованій.

Не безъ вліянія на наше образованіе были *внѣшнія сношенія* древней Руси. Извѣстно, что наши князья стояли въ брачныхъ союзахъ съ иноземными государями Европейскими, не только съ Византійскими, но и съ императоромъ Германскимъ, съ королями Французскимъ, Венгерскимъ, Польскимъ и Чешскимъ. Рядомъ съ этимъ шли внѣшнія торговыя сношенія, которыя также усиливали потребность образованія, нужду въ грамотности [1]). Наконецъ, важное образовательное значеніе имѣли *странствованія* нашихъ предковъ въ св. землю, на Аѳонъ и другія святыя мѣста. Эти путешествія начались рано. Побѣждая всѣ препятствія и затрудненія, паломники посѣщали чужія земли, знакомились съ жизнью другихъ народовъ, преимущественно Славянъ, умножали свои свѣдѣнія и приносили ихъ въ отечество. Какъ люди грамотные, они составляли *записи* своихъ хожденій, которыя среди нашихъ предковъ пользовались большимъ сочувствіемъ и распространеніемъ. Паломники же приносили и *рукописи,* которыя писались нашими же доброписцами въ монастыряхъ Аѳона и Византіи. Такъ Ефремъ, по порученію св. Ѳеодосія, принесъ изъ Византіи Студійскій уставъ; св. Варлаамъ ходилъ въ Іерусалимъ и Цареградъ, гдѣ покупалъ нужныя монастырю вещи; Даніилъ игуменъ (1115 г.), обошедшій всѣ

[1]) Кромѣ внутренней торговли, Русь торговала съ Византіей, Кіевъ—съ Половцами, Новгородъ съ Германіей, Даніей, Норвегіей, вообще съ сѣверомъ, черезъ Астрахань и Булгары шла торговля съ востокомъ.

св. мѣста, встрѣчалъ у гроба Господня много земляковъ; кн. Янка и Ефросинія были въ числѣ паломницъ. Изъ вопросовъ Кирика (1136 г.) видно, что въ его время паломничество до того усилилось, что требовались даже духовныя мѣры къ его ограниченію. Къ этой эпохѣ относятъ основаніе русской Пантелеймоновской обители на Аѳонѣ, привлекавшей русскихъ богомольцевъ. Въ житіи Св. Ѳеодосія говорится о *странникахъ*, возвращавшихся изъ Палестины, разсказы которыхъ произвели на юношу глубокое впечатлѣніе, рѣшившее его стремленіе къ иночеству.

Таковы были условія, среди которыхъ возникло и развивалось впервые духовное образованіе нашихъ предковъ, жаждавшихъ книжнаго ученія и наполнявшихъ церкви и училища.

Успѣхи просвѣщенія нашей школы въ первый періодъ ихъ возникновенія на Руси были поистинѣ поразительны; они превосходятъ все, что̀ представляла намъ западная Европа въ эту эпоху, еще переживавшая свой «желѣзный вѣкъ».

«Благодаря особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ, пишетъ Погодинъ, духовное и нравственное образованіе (въ первый періодъ его на Руси) стало на высокую степень и мы имѣемъ изъ этого періода множество письменныхъ произведеній, принадлежащихъ лицамъ *всѣхъ* званій и сановъ: князьямъ, митрополитамъ и епископамъ, архимандритамъ и монахамъ, боярамъ и простолюдинамъ,—о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, обнимающихъ жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ *лѣтописи, сказанія, законы*, церковные уставы; *грамоты* княжескія, монашескія, мирныя; торговые *договоры*, поучительныя *слова, разсужденія, житія, посланія, описанія* странствій, *вопросы* и отвѣты о церковныхъ предметахъ, *правила, притчи, молитвы, письма, похвалы*, даже *автобіографію*. Мы должны присоединить къ произведеніямъ духовной и церковной словесности и свѣтскія произведенія: *былины, пѣсни, пословицы, поговорки, слово о полку Игоревѣ, слово Даніила* Заточника. Это такое обиліе сокровищъ, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя не благодарить судьбу. *Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго*. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ, ими самими написанныхъ, вѣрно, живо и обстоятельно» [1]).

«Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, пишетъ другой изслѣдователь, принятыхъ нами вмѣстѣ съ христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцѣлѣли до сихъ поръ,— переводы греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало нашему первому лѣтописцу возможность представить, въ началѣ своего труда, короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Малалы несомнѣнно принадлежитъ X-му вѣку; столь же древенъ и Амартолъ, слѣды котораго въ Несторѣ указывалъ еще Альтеръ» [2]).

Русскій языкъ усовершенствовался, благодаря вліянію греческаго. Греческій языкъ былъ близокъ русскимъ. Объ отличномъ его знаніи ими свидѣтельствуютъ обильные переводы съ греческаго, оставленные намъ предками. Отъ этого знакомства съ греческимъ языкомъ и близости къ нему языкъ русскій получилъ грамматическую обработку, правильность формъ, особенно глагольныхъ, обиліе словъ и выраженій. О красотѣ, выразительности и изяществѣ этого языка можно судить по «Слову о полку Игоревѣ», полномъ поэтическихъ картинъ. Самое преданіе о вѣщемъ

---

[1]) *Погодинъ*, Др. Р. Ист., стр. 662.

[2]) *Учен. Зап. Ак. Наукъ*, II отд. 58 г., кн. IV, стр. 23.

Боянѣ и его творчествѣ выражено чрезвычайно картинно: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки»... Это «соловей стараго времени». О языкѣ бояни слѣдуетъ сказать, что онѣ и доселѣ составляютъ *образецъ народнаго поэтическаго творчества*, равнаго которому не представляетъ *никакая европейская* литература.

Это языкъ нашихъ предковъ *общенародный;* языкъ *литературной письменности*, сохраняя силу и красоту языка народнаго, развился до выраженія самыхъ возвышенныхъ понятій, отвлеченныхъ идей.

А какое богатство внутренняго содержанія представляетъ эта письменность. Какою простотою, искренностью и правдивостью дышатъ несравненныя произведенія нашего перваго лѣтописца; какою силою убѣжденія полны слова Луки Жидяты, св. Осодосія; какое краснорѣчіе у Иларіона, смиреніе и простота у Поликарпа, глубокое знаніе сердца человѣческаго у Кирилла Туровскаго, умъ и пастырская ревность у Никифора. Чѣмъ больше вчитываешься въ эти произведенія древности, отдаленныя отъ насъ вѣками, тѣмъ болѣе проникаешься къ нимъ уваженіемъ. Это не схоластика, не слова ради краснорѣчія, а полныя жизни и силы произведенія глубокаго убѣжденія и вѣры.

Но литература этой эпохи была весьма разнообразною. «Пчелы» представляли цѣлыя энциклопедіи, въ которыхъ помѣщались отрывки изъ замѣчательныхъ произведеній, съ извѣстіями о жизни авторовъ; а эти сборники, хотя дошли до насъ въ позднихъ спискахъ (XIV в.), но существовали гораздо раньше; выписки изъ нихъ у Даніила Заточника ручаются за существованіе ихъ въ XII вѣкѣ.

«Изборники» также представляютъ самыя разнообразныя свѣдѣнія изъ риторики, логики, философіи и географіи того времени. «Русская Правда» представляетъ замѣчательный юридическій памятникъ древности.

Но нѣтъ нужды останавливаться на этихъ внѣшнихъ умственныхъ пріобрѣтеніяхъ, хотя и они характеризуютъ образованность нашихъ предковъ; важнѣе всего подъемъ и направленіе духовныхъ силъ народа.

Какъ слѣпы, узки и близоруки тѣ доктринеры, которые проповѣдуютъ, что школа церковная,—школа, руководимая духовенствомъ, «стѣсняетъ свободное развитіе умственныхъ силъ народа, ограничиваетъ и задерживаетъ его, ведетъ къ застою и односторонности»...

Какой роскошный расцвѣтъ получила наша древне-русская школа, руководимая духовенствомъ; какіе изумительные благодатные плоды принесла она народу русскому, и какая свѣтлая будущность ожидала ее впереди, еслибы не остановило ея свободное развитіе страшное двухвѣковое Монгольское иго, когда «плачъ и туга» разлились по всей землѣ русской, когда церкви разграблялись и разрушались, города и села разорялись до тла, гибли лучшіе сыны отечества въ битвахъ, земля безлюдѣла, отцы и матери «плакахуся чадъ своихъ, яко не суть». Небесной Волѣ угодно было послать это тяжкое испытаніе Руси, чтобы она въ страданіяхъ очистилась, какъ «злато въ горнилѣ», и изъ испытаній вышла крѣпкою, мощною, единою, сильною для исполненія цѣлей, на нее возложенныхъ ей Провидѣніемъ. И Православная Русь сохранила ввѣренное ей сокровище св. Вѣры, сохранила и дорогую ей школу церковно-приходскую даже до нашихъ дней.

Общее обозрѣніе исторіи церковно-приходской школы въ первый періодъ ея существованія на Руси приводитъ насъ къ слѣдующимъ *заключеніямъ*.

1) Школа и книжное образованіе на Руси возникли при особенно благопріятныхъ историческихъ условіяхъ: а) *свободное* принятіе Русью христіанства, при единодушномъ согласіи князя, бояръ и народа, сдѣлало и принятіе церковной школы свободнымъ и благожелательнымъ, а вслѣдствіе того—быстрымъ и успѣшнымъ; б) необходимость, съ принятіемъ христіанства, измѣненія обычаевъ, закона и преданій языческихъ Русскаго народа вызывали необходимость книжнаго духовнаго просвѣщенія его; эту необходимость *одинаково* признавала церковная и гражданская власть, которыя поэтому дѣйствовали въ устроеніи школъ въ полномъ *единодушіи;* в) Русь получила крещеніе, «готово имуще св. писаніе и книги переведены съ греческаго языка на Русьскій»; слѣдовательно, обученіе въ школахъ и чтеніе могло производиться прямо на *родномъ языкѣ;* д) этнографическое единство Славянскихъ племенъ Руси, единство *языка* ихъ, дѣлало Славянскую книгу *понятною всѣмъ* и обезпечивало успѣхъ ученія; е) просвѣтительное вліяніе Болгаріи, за сто лѣтъ до крещенія Руси имѣвшей школы и письменность, было благопріятнымъ и для нашихъ школъ.

2) Учрежденіе и распространеніе школъ на Руси было *повсемѣстнымъ*. Лѣтописныя свидѣтельства говорятъ объ открытіи школъ «по всѣмъ селомъ и градомъ». Школы учреждались прежде всего при епископіяхъ, затѣмъ при церквахъ и монастыряхъ. Школы были *всеобщими*, доступными для всѣхъ, учреждались *для всего народа*, для дѣтей «знатныхъ, среднихъ и убогихъ».

3) Учрежденіе школъ на Руси было дѣломъ *единодушнаго соглашенія* князей и духовной власти. Первыя школы были открыты «по совѣту митрополита».

4) Особенно важное значеніе въ дѣлѣ образованія народа Русскаго въ первую эпоху его просвѣщенія имѣли *монастыри*, гдѣ не только было книжное ученіе, но подготовлялись и *учители*. Есть основаніе предполагать, что при монастыряхъ были учрежденія для призрѣнія сиротъ, которыя служили вмѣстѣ и школами.

5) *Устроители* древне-Русскихъ училищъ—князья, получавшіе образованіе отъ духовенства, были люди просвѣщенные, проникнутые христіанскимъ духомъ. Они любили книжное ученье, высоко его цѣнили, устроивали и распространяли школы по всѣмъ областямъ древней Руси, жертвовали на нихъ даже собственныя средства, заводили библіотеки, покровительствовали монастырямъ и съ высокимъ уваженіемъ относились къ духовенству и его просвѣтительной дѣятельности.

6) По единогласному свидѣтельству лѣтописцевъ, учрежденіемъ школъ и образованіемъ древней Руси *заѣдывало и руководило* духовенство. Лица духовныя были *единственными учителями* народа—въ церкви и школѣ. Право и обязанность его учить народъ признавались безусловно князьями и народомъ. Православное русское духовенство, съ первыхъ поръ его существованія, при обширномъ, могущественномъ вліяніи его, никогда не злоупотребляло имъ, не домогалось власти, но ограничивалось нравственною сферою и ревностно трудилось на благо и духовное просвѣщеніе народа,—въ этомъ его величайшая заслуга. Школа, созданная, направляемая и руководимая духовенствомъ, была неотдѣлима отъ церкви. Здѣсь заключался источникъ благотворнаго просвѣтительнаго вліянія древне-Русской школы на народную жизнь. Духовенство перваго періода Русскаго просвѣщенія стояло вполнѣ на высотѣ своего призванія.

7) *Общинное начало* древне-русской жизни было благотворно для школъ. Церковь, явившись *новымъ средоточіемъ* Русской общины, образовала *приходъ*. На-

ходясь при церкви, школа на Руси является *церковно-приходскою*. Приходъ, имѣя источникомъ и руководителемъ духовной жизни церковь, принимаетъ участіе въ попеченіи о благоустроеніи *храма*, обезпеченіи его *причта*, устроеніи и содержаніи приходской *школы* и *призрѣнія* бѣдныхъ и сиротъ. Живая *связь церкви, школы и прихода* сдѣлала школу учрежденіемъ вполнѣ *народнымъ*, содѣйствовала быстрому распространенію школы въ древней Руси и установила ту крѣпкую связь съ нею народа, которая сохранилась и до нашихъ дней въ отношеніи школы *церковно-приходской*. Въ тоже время эта связь содѣйствовала *всеобщности* народнаго образованія.

8) Древне-Русская церковно-приходская школа была учрежденіемъ *общеобразовательнымъ, элементарнымъ;* устроивалась она для обученія *дѣтей* и имѣла соотвѣтствующій элементарному образованію курсъ. Но служа христіанскому просвѣщенію народа, она въ тоже время давала начальное образованіе и лицамъ, которые затѣмъ, дополнивъ свое образованіе въ монастыряхъ или путемъ самообразованія, занимали должности высшихъ и низшихъ чиновъ церковнаго клира.

9) Курсъ древне-Русскихъ училищъ ограничивался *чтеніемъ, письмомъ* и *церковнымъ пѣніемъ*. Этотъ курсъ имѣлъ *строго-церковный характеръ*. «Закона Божія», какъ особаго предмета не было, потому что все обученіе составляло одинъ Законъ Божій.

10) Дѣти принимались въ школу отъ 7 до 9 лѣтъ; но опредѣленныхъ правилъ на этотъ предметъ не было.

11) Способъ обученія направленъ былъ къ *сознательному* усвоенію преподаваемыхъ предметовъ, причемъ, употреблялось *повтореніе*, уроки соображались съ *силами* ученика. По недостатку печатныхъ книгъ, ученье совершалось по *рукописямъ;* обученіе чтенію соединялось *съ письмомъ*. Главная забота прилагалась къ тому, чтобы чтеніе священныхъ книгъ было *сознательнымъ* и разумнымъ. Первою учебною книгою послѣ азбуки была *псалтирь*, которую предки наши цѣнили высоко. Ее не только читали, но и заучивали *наизусть*. Она была «путевою» и руководственною въ жизни книгою для нашихъ предковъ. Обученіе *письму* цѣнилось высоко и сопровождалось изученіемъ правилъ тогдашняго правописанія. *Пѣніе* составляло любимое занятіе нашихъ предковъ, преподавалось во всѣхъ школахъ и въ древней Руси было весьма распространено. Первыми учителями пѣнія на Руси были Болгары, а затѣмъ Греки. О преподаваніи въ школахъ *грамматики и счисленія* лѣтописныхъ свидѣтельствъ нѣтъ, но есть основаніе предполагать, что предметы эти могли сообщаться и въ школахъ, какъ практическія свѣдѣнія,—первое—при обученіи письму, второе—въ цѣляхъ церковныхъ, какъ пасхалія.

12) Предки наши имѣли высокій *взглядъ на грамотность*, на «книжное ученіе» и чтеніе, завѣщанный Славянству св. Просвѣтителями его. Книги свящ. Писанія, на которыхъ воспитывались наши предки, были силою умственно и нравственно возрождавшею народъ Русскій. Поэтому «церковно-приходская школа, которая учила читать и писать, могла служить основаніемъ и глубокой мудрости». Здѣсь лежитъ причина и объясненіе какъ глубокаго вліянія школы на народъ, такъ и расцвѣта нашей письменности въ первую эпоху просвѣщенія древней Руси.

13) Древне-Русская школа не ограничивалась только обученіемъ, но имѣла живой *воспитательный характеръ*, основанный на Евангельскомъ ученіи. Грамотность и книжное образованіе были не цѣлью, но *средствомъ* къ достиженію высшихъ задачъ религіозно-нравственнаго воспитанія.

14) *Идеалъ древне-Русскаго воспитанія* основанъ на *Евангельскихъ* началахъ правды, любви, мира, преданности волѣ Божіей, смиренія, человѣколюбія; въ то же время онъ заключаетъ въ себѣ строгую православную *церковность* и, какъ идеалъ самобытно Русскій, имѣетъ характеръ высокаго *патріотизма*. Этотъ идеалъ совпадалъ с *природными* нравственными качествами нашихъ предковъ—Славянъ и поэтому глубоко проникъ и укрѣпился въ сознаніи народа.

15 *Значеніе* древней нашей церковно-приходской школы обусловливается близостью ея къ Церкви Православной. Народъ Русскій выносилъ изъ этой школы грамотность, любовь къ Православной Церкви, вѣрность государю и отечеству, здоровый, правильный взглядъ на жизнь и ея задачи, христіанскія убѣжденія о правдѣ любви, о послушаніи Церкви, о долгѣ, о совѣсти, о высшемъ призваніи человѣка.

) Высокому *развитію* нашей древней *письменности*, кромѣ указанныхъ выше благопріятныхъ условій историческихъ (п. 1), содѣйствовали: близкая связь Руси Греціей и Болгаріей, духовныя сокровища которыхъ она унаслѣдовала предготовившимся паденіемъ обоихъ государствъ; внѣшнія сношенія древней Руси паломничество. Успѣхи духовнаго просвѣщенія Руси въ этотъ періодъ и разв нашей письменности достигаютъ замѣчательно высокой степени и вызываютсправедливое удивленіе историковъ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВ
АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Введеніе. III

I. Историческія условія, благопріятныя для возникновенія школъ и образованія на Руси. 9

II. Учрежденіе и распространеніе на Руси училищъ по сказаніямъ лѣтописцевъ и другимъ источникамъ 12

III. Устроители древне-Русскихъ училищъ (князья и ихъ образованіе) . . . 22

IV. Кто завѣдывалъ и руководилъ древне Русской школой. 25

V. Школа и приходъ (связь школы и церкви съ общиннымъ началомъ древне-Русской жизни) 29

VI. Общеобразовательный характеръ, учебный курсъ и способъ ученія въ древне-Русской школѣ. 34

VII. Обученіе чтенію, письму и пѣнію въ древне-Русской школѣ. Предположенія о преподаваніи въ ней грамматики и счисленія 38

VIII. Взглядъ нашихъ предковъ на «книжное ученіе и чтеніе» 46

IX. Воспитательный характеръ древне-Русской школы и идеалъ древне-Русскаго воспитанія 49

X. Значеніе церковно-приходской школы для древней Россіи, ея плоды для образованія Русскаго народа. Заключеніе. 56

стран.
. III
-
. 9
о-
. 12
. 22
. 25
ть
. 29
въ
. 34
д-
. 38
. 46
не-
. 49
ды
. 56